

18+

Анна Ефименко

Долдра

Тайны истории
английской магии

18+

Анна Ефименко

**Болота. Тайны истории
английской магии**

«Издательские решения»

Ефименко А.

Болота. Тайны истории английской магии / А. Ефименко —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. 1820 год, Болотный край в Англии. Тайные гильдии
проводят обряды, ветераны Ватерлоо верят в амулеты, в садах живут фейри,
и всюду процветает контрабанда. Мистер Паркер, ученый-исследователь
народных суеверий, отказался от магии после смерти любимой жены.
Но теперь тихой жизни вдовца угрожают испытания — как романтического,
так и криминального, и даже колдовского характера! Сможет ли он сберечь
себя среди преступлений и соблазнов? И как ему поможет в этом исторически
достоверная английская магия?

© Ефименко А.

© Издательские решения

Содержание

Примечание	6
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Болота Тайны истории английской магии

Анна Ефименко

© Анна Ефименко, 2026

ISBN 978-5-0069-9891-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Примечание

Все события и персонажи, кроме настоящих исторических прототипов (ипсвичский колдун Старая Зима, преподобный Роберт Кирк и др.), выдуманы автором, и любое сходство с реально существующими либо существовавшими людьми случайно.

Глава 1

Представьте себе, если хотите, старое кладбище среди болот на востоке Англии, дорогие читатели. Осмелюсь предположить, что это не составит для вас труда, поскольку подобные мрачные декорации уже давно вошли в обиход романистов для искушенной аудитории. Слышно, как колокола церкви Святой Марии в городе Н... недалеко отсюда только что пробили полночь и наступил холодный октябрьский четверг 1820 года.

Итак, что же произошло? На этом кладбище, у руин старой церкви, сегодня кто-то заходя оставил на перекрестье вытоптанных тропинок несколько человеческих черепов и костей, чьи белые очертания теперь стали неприятно очевидны в свете луны. Как удивительно! Как страшно. Теперь я вижу на вашем лице тень недоверия. Ах, вы хмуритесь. Прошу прощения, но скоро вы поймете, для чего оказались здесь.

Представьте себе также двух человек, стоящих поодаль в укрытии за старыми тисовыми деревьями и покосившимися треснутыми надгробьями. Один из этих двоих был коренастым и сильным мужчиной средних лет, с густой бородой на широком лице, отмеченном следами шрапнели — кровавого наследия Ватерлоо. В обветренных руках человек держал графитовый карандаш и блокнот. Этого мужчину в Болотном крае знали под именем мистер Беллармин (или просто Беллармин для его работодателя), и сейчас он, облокотившись на одно из надгробий, внимательно оглядывал черепа и быстро что-то записывал в своем блокноте.

Второго человека (того, на которого работал Беллармин) звали Чарльз Паркер. Он стоял еще на несколько ярдов дальше от злополучных тропинок с костями, прямо возле церковных руин.

Мистеру Паркеру было сорок восемь лет, он был высоким, сухоощавым и слегка сутулым. Он завязывал свои длинные темные волосы черной лентой по моде былых времен. Глаза его были серого цвета, словно дождливое небо, и имели не то утомленное, не то меланхоличное выражение. Излишняя суровость облика лишь подчеркивала биографию нашего героя — мистер Паркер вот уже много лет оставался безутешным вдовцом, хранившим непоколебимую верность своей покойной супруге. А еще, что более интересно, он являлся незаконнорожденным сыном почившего колдуна по имени Старая Зима из Ипсвича, что восточнее отсюда. Однако, несмотря на эти необычные, даже гротескные детали, в остальном личность Чарльза Паркера была столь непримечательной и не вызывающей интереса, что никакие сплетни о нем никогда не получали действительно широкого распространения. Внешне мистер Паркер не дотягивал ни до образа романтического героя из книг, ни до классических эталонов мужской красоты. Скорее, он походил на хмурую серую ворону, что, сощурившись, вечно утыкалась в книги в поисках утешения, и потому жил он достаточно просто, занимался своими делами и не привлекал к себе особого внимания со стороны широкой публики.

Для обычных горожан Паркер и Беллармин были известны как антиквары, собиравшие народные суеверия, обряды и магические атрибуты из глубинки в Болотах. Они работали вместе уже половину десятилетия, в основном обитая в небольшом офисе, арендованном мистером Паркером у центральной площади, на Хай-стрит. Над их конторой красовалась размокшая от извечной местной сырости деревянная вывеска «Общество антикваров и исследователей древностей Болотного края» (хотя «общество» и насчитывало всего двое человек). Именно здесь, в своей конторе, коллеги собрали целую коллекцию народных амулетов и огромное количество записей о том, что волшебного им довелось повидать в этих краях.

Мистер Паркер довольно обыденно называл себя волшебником ввиду своей работы и происхождения, однако *магом* он себя называть не смел — лавры его покойного отца, Старой Зимы, он унаследовать, увы, не смог. Да и магию мистер Паркер тоже не практиковал, причем отказался он от этого добровольно — уж слишком много бед принесла ему и прикладная

магия, и те, кто умел ею заниматься. Однако историческое изучение этого предмета приносило ему покой и удовольствие, и оставалось одной из редких вещей, которая вызывала у мистера Паркера хоть какой-то интерес в жизни.

Итак, сегодня мужчинам наконец-то удалось узнать о ритуале инициации в гильдию костников, *Bonesmen*. Это было тайное сообщество, среди членов которого можно было встретить немало строителей и даже несколько врачей! Беллармин рассказывал, что во время войны он, как и другие полевые медики, лично знал нескольких костников, никак не скрывавших свои тайные умения на поле боя. Однако то были совсем иные условия, ведь здесь, в обычном мире костники всегда вызывали один лишь страх — подобная тесная связь с миром покойников редко способствовала дружеским отношениям с соседями. Потому свое членство в гильдии ее участники держали в строгом секрете и на церемониях приема новичков все до единого носили маски (хотя в этих масках, изображавших чудовищ и рогатых зверей, их наверняка бы боялись еще больше).

Считалось, что костники могут вызвать духов мертвецов, сыграв на особой флейте, вырезанной из человеческой кости. Подобные пересуды сопровождали гильдию постоянно, но, тем не менее, именно костников звали при закладке фундамента каждой новой постройки, чтобы положить туда кости овец или коров. Именно к ним обращались, когда нужно было спрятать старое лошадиное копыто в дымоход или под крышу, и тем самым уберечь дом от проклятия и стихийных бедствий.

И, в конце концов, именно знания костников помогали создавать лекарства — так, запатентованное еще в 1673 году средство под названием *Goddard's Drops* содержало в себе, помимо других компонентов, также и измельченные человеческие кости.

К нашему с вами времени, дорогие читатели, эта таинственная гильдия, конечно же, полностью прекратила свое существование, но в начале XIX века она еще насчитывала достаточное количество участников в Болотах на востоке Англии, и сегодня на кладбище все было готово к тому, чтобы принять в ряды костников нового участника.

На кладбище уже собралось не менее десятка людей, чьи лица были сокрыты за масками. Их процессию замыкал человек в маске, изображающей зверя в страшном оскале, и из всех присутствующих только этот человек держал в руках зажженный факел — иных источников света на церемонии не было.

Посветив факелом над грудой костей и черепов, оскалившийся зверь посмотрел на юношу, стоявшего среди других участников. Тот был единственным, на ком не было маски, и до этого он скрывал свое лицо, низко надвинув треуголку на лоб. Однако сейчас настал решающий момент и скрываться было больше незачем.

— Кому принадлежат эти черепа и кости? — спросил юношу глава гильдии в маске зверя. — Чей череп когда-то был королем, а чей — нищим? Кто из них был графом, а кто — рабом? Ты сумеешь это определить?

Новенький несколько мгновений тщетно пытался найти ответ на вопрос, нащупать какую-то хитрость, подсказку. Но в конечном итоге признал поражение:

— Не знаю, сэр. Это знание для меня закрыто.

Тогда глава гильдии, вновь посветив факелом над черепами, ответил:

— Ты прав, брат. Были ли обладатели этих костей бедняками или богачами, мы уже не узнаем, ибо в смерти мы все становимся одинаковыми. Лишь характер живого человека — вот что имеет истинную важность...

Беллармин записывал все эти слова в свой карманный блокнот так быстро и бесшумно, как только мог. Стараясь писать как можно более мелко, он склонился над надгробием так, что сам едва не упал на землю, и теперь изо всех сил старался удержать равновесие. Его начальник стоял по-прежнему поодаль, с таким внимательным выражением лица, словно решил выучить обряд наизусть.

Тем временем, после церемонии с черепами, имевшей более аллегорический, нежели чем устрашающий подтекст, началось настоящее «обучение» нового участника. Глава гильдии в маске рассказывал юноше в треуголке тайны сообщества, в которые нельзя было посвящать посторонних:

— Чтобы сказать «да», разверни открытую ладонь вот так. Чтобы «нет» — заведи кончик среднего пальца под большой, а потом резко вытащи. Когда кто-то из собратьев положит большой палец себе на щеку, а другие пальцы — на другую щеку, и сделает движение вниз, соединяя их на подбородке — этот знак указывает на что-то хорошее. А когда пальцы, наоборот, движутся от подбородка наверх и разъединяются — это выражает неодобрение...

И, пока оскалившийся зверь с факелом это рассказывал, мистер Паркер старался все запомнить так же усердно, как и новенький участник гильдии. *Ведь эти секретные жесты, которыми костники общались между собой, были воистину драгоценной и редкой информацией*, прекрасно понимал он. *Хорошо, что Беллармин умеет так точно все записывать... Беллармин всегда меня выручал уже столько раз*, с благодарностью подумал волшебник о своем секретаре, как вдруг его отвлек какой-то посторонний шум.

Раздался топот копыт.

Кто-то — возможно, трое или даже пятеро всадников — приближались к кладбищу. Кавалькада являла собой поистине устрашающее зрелище — куда более жуткое, чем костники в их масках! У каждого из всадников лицо было обвязано черным платком, закрывающим нос и рот, и в темноте они были похожи не то на бандитов с большой дороги, не то на самих демонов. Поняв, что лошади несутся во весь опор именно на то самое место, где проходила церемония, глава костников спешно погасил факел и вот уже вся его группа бросилась врассыпную.

Но что же так напугало их? Что заставило этих смелых мужчин (ибо женщин никогда не принимали в костники) спешно бросить обряд посвящения и броситься наутек, забыв даже про почти любовно выложенные до этого на всеобщее обозрение черепа?!

И если уж даже тайные сообщества, имеющие дело с трупами и скелетами, так опасались этих всадников, то что уж было говорить о людях, ведущих более-менее обычную жизнь?

— Пойдемте, сэр, быстрее! — Беллармин сунул свой блокнот в карман и потянул мистера Паркера за рукав. — Это шайка Харви, они оставляют в руинах этой церкви свой товар. Нечего нам тут делать, сэр, давайте вернемся в город. Нам надо спешить, сэр!

Ну что за невезение. А ведь все так удачно начиналось! Мистер Паркер был готов зарычать от разочарования.

Конечно же, Харви и его приспешники были известными в этих местах контрабандистами. Мужчины, чьи лица были сокрыты под повязанными вокруг рта и носа платками, по сути мало чем отличались от костников. Они также прятали свои истинные лица и также собирались по ночам в уединенных местах. Но у свободных торговцев было *оружие*. У них была *власть*. Не власть, дарованная государством, и не какая-то сакрально-магическая власть, которая держится на одной лишь вере. Нет, это была *настоящая* власть.

Контрабандисты в Болотах процветали всегда. Именно они привозили товары из Франции даже в самый разгар наполеоновских войн. Еще со времен наполеоновского декрета о континентальной блокаде, подписанного в 1806, где было сказано, что *«Всякая торговля и всякие сношения с Британскими островами запрещены»* для Европы, промысел свободных торговцев стал востребован как никогда прежде. Именно контрабандисты снабжали погреба местной знати отличным бренди, а одежды местных красавиц — тонкой работы кружевами. Никто из болотников не протестовал против промысла Харви и ему подобных, никто из болотников, казалось, и не собирался осуждать этот промысел, пока в их домах были бренди, мыло и чай по куда более выгодной цене, чем для остального населения страны. А уж если Харви со своей шайкой и устраивали периодически неудобства местным или же ввязывались в разборки с кон-

курирующими бандами... ну что ж, такова была цена за наличие в Англии чая, кофе и других товаров.

Поэтому Чарльз Паркер, хоть и был раздосадован, тем не менее, не был удивлен этим вторжением. Он прожил на востоке Англии всю жизнь, сначала в Ипсвиче, а потом, овдовев, перебрался подальше в Болота, в Н... Он знал все об этом крае низин и канав, туманов и ветряных мельниц. О крае, опасно близком к континенту и оттого — являющемся плодородной почвой для контрабанды.

И вот, понуро опустив свою темноволосую голову да глядя под ноги, чтобы не споткнуться о могильные камни, волшебник поспешил вслед за отважно шагающим сквозь колючие заросли ежевики Беллармином.

На следующее утро Чарльз Паркер вошел в маленькую столовую на первом этаже в пансионе миссис Данн, где он уже много лет снимал комнату. Это было не особо изысканное и комфортное место для жизни, но Паркер давно к нему привык. К тому же после смерти Элеанор, его жены, волшебник считал, что недостойн баловать себя хоть каким-то намеком на роскошь, поэтому приучился довольствоваться малым и не особо рассуждать о том, что мог бы иметь. Иначе он бы начал думать, что, возможно, и вовсе достоин иметь даже огромный особняк его отца, но, увы, в такой чести ему давно отказали.

Да-да, дорогие читатели, мистер Паркер когда-то должен был унаследовать внушительную усадьбу «Старая Зима» в Ипсвиче, да вот только отец вычеркнул сына из своего завещания, когда тот вознамерился жениться против воли родителя и не посвящать себя всецело магической практике, как того требовал отец...

Но то были дела давние — уже в живых не было ни отца, ни жены. Говорили, что сейчас поместье занял какой-то приезжий корнуоллец¹, одного возраста с Паркером, но зато *практикующий колдун* — о, конечно же, идеальный вариант! Понятно, что отец скорее выбрал бы другого колдуна своим наследником, чем позволил забрать дом своему сыну, главному разочарованию в жизни.

Поэтому, пусть пансион миссис Данн мистеру Паркеру и не нравился, однако пансион миссис Данн ему *подходил*. А это было куда важнее, чем личные капризы.

Беллармин тем временем уже ждал волшебника в столовой — он часто заходил за хозяином утром перед работой, и потом они вместе шли на Хай-стрит открывать свою крошечную контору.

Вот и сегодня случилось так же. Еще из коридора можно было услышать, как Беллармин, чувствовавший себя здесь как дома, обсуждал с Джорджианой, молодой племянницей миссис Данн, недавно приехавшей погостить, домашнего кота. Сам же кот в это время выразительно терся о щиколотки Джорджианы после того, как она прямо со стола угостила его сливками (правда, не самыми свежими — как уже было замечено, это был недорогой пансион, а миссис Данн славилась своей экономией).

— Как его зовут? — спросила девушка, но не успел Беллармин ей ответить, как в столовую вошел мистер Паркер и сделал это за него:

— *Дымок*. Его зовут Дымок. Доброе утро, мисс Джорджиана, — он кивнул. — Беллармин.

Девушка обернулась и удивленно подняла тонкие брови:

¹ Подробнее об этом самом корнуолце и о Старой Зиме рассказывается в предыдущих книгах автора («Северная Дорога», «Северная Дорога—II», «Наследие Джона Ди»).

— Ох! Доброе утро, мистер Паркер! А я наконец-то решила познакомиться со всеми обителями дома, — она наклонилась, чтобы почесать кота за ушком. — Признаться, я думала, что его зовут *Милорд*. Тетушка так вчера и сказала, поправляя чехлы для мебели: «это чтобы Милорд не царапал обивку дивана».

Волшебник усмехнулся и сел за стол.

— Видите ли, мисс Джорджиана, просто у него бывает слишком важный вид для кота, ну и... и тогда «Милорд» и впрямь звучит более подходяще, чем «Дымок».

— А я тоже называю его только «Милорд»! — вдруг подал голос Беллармин и очень уверенно продолжил: — Я слышал, как госпожа Данн и мистер Паркер не раз его так называли. И я сам так подзывал его к себе, и он приходил, так что, думаю, «Милорд» вполне уместен для такой самодовольной мордашки!

Мистер Паркер, наливая чай (без сливок — ведь все ушло *Милорду*), окинул своего секретаря долгим и пристальным взглядом. Странные мысли появились в его голове. Он не мог припомнить *ни единого* раза, когда бы Беллармин вздумал позвать кота миссис Данн, и уж тем более чтобы тот ему *отозвался*.

Зачем помощник вообще все это выдумал? Чтобы показать Джорджиане, насколько он вхож в дом ее тетки? Чтобы покрасоваться перед юной дамой таким вот образом? Вызвать доверие?... Но Беллармин не походил на тех, кто пускает пыль в глаза наивным девицам или жаждет быть принятым в компании. Это был по большей части молчаливый, серьезный человек, много повидавший на своем веку, ветеран войны. В нем не было ничего от болтливого щеголя или дамского угодника. К чему же тогда был этот мелкий, дурацкий обман?..

И мистер Паркер, ухватившись за эту мысль, которая никак не шла из его головы, потянулся за булочками с маслом и в такой же задумчивости приступил к завтраку, уже не вслушиваясь в разговоры соседей за столом.

А ведь некоторые давно предупреждали его о том, что Беллармин много на себя берет!

Даже Рич так думал. Рич говорил: «Уволь своего Беллармина, иначе не оберешься с ним проблем. Уволь Беллармина, пока не поздно, мистер Зима».

Но то были дела давно минувших дней. Теперь уже сам Рич (о простите, Ричард Сеймур!) много лет проживал во Франции и не особо переживал за Паркера. Теперь уже почти никто не звал Паркера в лицо «мистером Зимой», никто бы даже не осмелился так к нему обратиться после того, что случилось с Элеанор... А вот Беллармин зато все эти годы по-прежнему оставался лучшим (и единственным, кроме самого Паркера) работником в их «Обществе антикваров», изучая с Паркером бок о бок народное волшебство в Болотах.

— ...сэр, вы не забыли, что тетушка планирует сегодня торжественный ужин? — голос Джорджианы отвлек мистера Паркера от его мыслей.

Ах да, чертов ужин. Интересно, что миссис Данн подразумевает под «торжественным»? Пять свечей на столе вместо двух? Да еще и дополнительное ведерко угля в камин? Это было бы настоящее торжество...

— Да, — кивнул он, изо всех сил стараясь улыбаться. Вышло не очень достоверно.

Но Джорджиана, казалось, была столь молода, что верила и в такие ужимки.

— Так вы придете? Тетушка сказала, что мне непременно следует уговорить вас присоединиться к нам за ужином.

Волшебник не хотел расстраивать юную гостью, которую привезли в Н..., как на базарный прилавок, чтобы поскорее выдать замуж (в ее родной деревне почти все подходящие в мужья кандидаты пали на поле боя в недавней войне с Наполеоном, так что ситуация по всей

видимости была плачевная, раз уж на роль жениха рассматривали даже вдового, смурного и престарелого в сравнении с девушкой мистера Паркера).

— Я постараюсь, мисс Джорджиана, — волшебник снова криво улыбнулся, к собственному отвращению осознавая, до чего нелепо он выглядит. — Я очень постараюсь.

Вскоре мистер Паркер закончил завтрак (к которому Беллармин наотрез отказался присоединиться — он не был высокого мнения о достоинствах кухарки миссис Данн), и коллеги вышли на улицу.

Поднимая воротник, Беллармин усмехнулся в свою густую бороду:

— Один из сыновей Риверса хвастался, что он, дескать, знает обряды костников. Ну я ему и высказал при всех: не выдумывай, мальчишка! Я работаю на мистера Паркера, а он человек большого ума и учености — если уж кто знает про тайные ритуалы, так только он, а не всякие щенки вроде тебя...

Паркер недовольно вздохнул. *Кажется, именно это и имел в виду Рич, говоря, что Беллармин много на себя берет.* Он ненавидел такие ситуации.

— Значит, ты пойдешь и извинишься перед сыном Риверса от моего имени, — отрезал волшебник. — Я много раз просил не кичиться тем, что мы делаем, и особенно — не выстраивать на пустом месте иерархии, прикрываясь мной.

— Что вы, сэр! Я лишь хотел похвастаться вашими обширными познаниями в... — начал было секретарь, но, встретившись с напряженным взглядом серых глаз мистера Паркера, тут же осекся и замолчал.

Они пошли дальше по улице.

Н... был городом небольших (совсем небольших) размеров, поэтому до площади и до Хай-стрит оставался всего один переулок. Но едва сумрачная тень стен этого переулочка накрыла антикваров привычным сырым холодом, раздался звонкий женский голос, заставивший мистера Паркера моментально вздрогнуть.

— Эй! А вот и они, как всегда, полюбуйтесь: приспешник дьявола и его цепной пес!

Мужчины оглянулись и увидели сидящую на перевернутом деревянном ящике Джейн Вудс.

На первый взгляд было трудно определить, сколько Безумной Джейн лет — не то пятнадцать, не то пятьдесят. Она была очень маленького, почти крошечного роста, с такими же миниатюрными ладонями, с медного цвета густыми волосами, которые никогда не собирала в прическу и не покрывала их чепцом или шляпой. Независимо от времени года Джейн носила алую вязаную шаль, которая давным-давно истрепалась (во многом дело ухудшала сама Джейн, то и дело вытягивая из шали красные нити своими грязными пальцами со сколотыми ногтями).

Люди говорили, что Джейн Вудс знает язык птиц и может беседовать с цаплями на болоте. Говорили, у нее есть дар лечить болезни прикосновением, как у многих юродивых. На улице Безумная Джейн промышляла то мелким воровством, то, если повезет встретить одинокого мужчину, иными заработками (и если вам, дорогие читатели, нужно объяснение, что у нее была за профессия, боюсь, вам лучше и вовсе перестать сейчас читать эту сказку, потому что, осмелюсь заметить, вам может не понравиться то, что последует дальше).

И еще все в округе знали, что долгие годы Джейн с одной лишь ей понятным упорством преследовала Чарльза Паркера, вечно поджидая его то в этом переулочке, то у фонарного столба возле офиса «Общества антикваров», чтобы всякий раз разразиться очередной обличительной тирадой в адрес волшебника.

Сам мистер Паркер слишком хорошо помнил свой единственный с ней разговор, чтобы после проклинать себя всю жизнь за то, что на него согласился.

Он, в отличие от других, знал, что Джейн родилась 13 декабря 1790 года, и сейчас ей было почти тридцать лет (она просила растолковать ей положение звезд в момент ее рождения, потому и назвала дату — но он был вынужден отказать, потому что не занимался прикладной

магией). Он знал, что ее родители перебрались в Соединенные Штаты в поисках лучшей доли, а свою полоумную дочурку еще ребенком оставили на попечении дальней родни, которая быстро выставила ее вон из дома.

О своем прошлом Джейн Вудс сама поведала волшебнику, когда тот как-то раз заметил ее в страшную стужу на улице и, сжалившись над чужими лишениями, отвел в таверну поесть и погреться у камелька. Это хотя бы на одну ночь избавило девушку от необходимости вешаться на всяких развратников с Болот. По крайней мере, так думал сам мистер Паркер. Тогда его еще нет-нет, но одолевало чувство вины, что он *мог бы все сделать лучше* с Элеанор, а потому при виде полужамерзшей безумицы волшебник в какой-то момент ощутил свою пользу. Помочь кому-то, защитить кого-то — все то, что он не смог как следует сделать для Элеанор, он мог бы воплотить хотя бы в виде такой вот скромной заботы о ближнем.

Увы, восприняв этот жест доброй воли как выражение некоей глубинной привязанности, Джейн Вудс вскоре стала невыносимой. Видимо, бедный мистер Паркер оказался единственным человеком в городе, устоявшим перед ее чарами, что в итоге обернулось против него долгоиграющей местью. Отныне Джейн денно и ночно околачивалась у фонаря возле его конторы, возле дома миссис Данн, а после и вовсе стала поджидать волшебника в переулке Марш-лейн, на своих любимых разбитых ящиках, разбросанных за рыночной площадью проезжающими торговцами.

Мистер Паркер пытался вразумить ее и потерпел поражение. Он сказал, что подобное порочит их обоих самым неуместным образом, но Джейн и слушать не захотела. Не имея под рукой никаких механизмов сдерживания вроде родителей или строгой родни, всего за несколько лет Джейн Вудс превратилась в настоящий кошмар, преследующий мистера Паркера и застигающий его врасплох каждый раз, когда он только начинал надеяться на конец этой истории.

Однажды Беллармин поведал хозяину, что половина Н... искренне уверовала в то, что Джейн стала, ни много ни мало, постоянной любовницей волшебника. На это Чарльз Паркер лишь поднял усталый взгляд от бумаг и задал вопрос:

— Я похож на человека, у которого есть любовница, Беллармин?

— Нет, сэр. Не в обиду, но...

— Тогда какого дьявола ты приносишь мне эти сплетни? — вид начальника стал еще угрюмее. — Я не желаю больше вести подобных разговоров. Ни с тобой, ни с кем бы то ни было.

Беллармин стушевался (всегда было странно наблюдать со стороны, как такой грузный бородатый мужчина, настоящий громила, опасался рассердить бледного и куда более скромного по габаритам Паркера — видимо, в этом и заключался пресловутый *авторитет волшебника*, о котором много судачили местные, и о котором когда-то рассказывал Паркеру его отец-колдун). Но, как бы то ни было, больше они с секретарем не обсуждали такие темы.

Однако сама Джейн по-прежнему никуда не делась. Вот и сейчас она сидела на перевернутом ящике, трепала засаленную шаль и с вызовом смотрела на мистера Паркера, у которого уже давно выработалась атрофия к ее провокациям.

— Ты, цепной пес на привязи у дьявола! — за неимением лучшего, Джейн попыталась поддеть теперь уже Беллармина. — Ты снимал ему обувь? Видел там копыта?!

Паркер прибавил шаг и глубоко вздохнул.

— Не отвечай ей, Беллармин, — напомнил он помощнику. — Просто не реагируй, это единственная тактика, которую можно использовать.

Беллармин лишь кивнул и что-то пробормотал себе в бороду, чего волшебник уже не расслышал. Миновав темный Марш-лейн, они вышли на площадь, и Беллармин достал из кармана ключи от офиса.

Что я могу сказать о месте, где волшебник и его секретарь собирали данные о народных обрядах и найденные амулеты? Было ли это место столь же таинственным и странным, как и сам предмет, который в этих стенах изучался? Возможно, это было темное потайное место, возможно, даже подвал или декоративная башенка, куда вел вход по узкой винтовой лестнице?

Благословите меня, нет! Контора мистера Паркера представляла собой простое рабочее помещение. Зайдя в самый обычный дом на Хай-стрит, двухэтажный и выстроенный из известняка, как и все остальные дома на этой улице, вам нужно было подняться по самой обычной же лестнице на второй этаж. Там недавно прилаженная дверь вела в небольшой коридор (играющий роль своего рода «приемной»), соединенный с другой комнатой, где работал Беллармин и где находилось что-то вроде склада — рядом со столом Беллармина стоял книжный шкаф, а на стене было несколько полок с разного рода окаменелостями, колечками из медной проволоки, нанизанными красными нитками на деревянные палочки, и тому подобными народными талисманами. В этой комнате также был камин, поэтому еще одной обязанностью Беллармина (которую, правда, он сам себе придумал) было приготовление хозяину самого вкусного кофе, который только можно было найти в городе.

Кабинет самого мистера Паркера находился прямо за стеной, в конце коридора. Там не было ни книжного шкафа, ни полки с магическими диковинами, ни (к большому сожалению мистера Паркера) камина. Но так как это помещение было меньше первого, тут было достаточно тепло, чтобы работать в нем много часов подряд. Волшебник намеренно выбрал себе комнату поменьше — она была дальше от входа и здесь можно было поставить рабочий стол у большого окна с достаточным количеством света даже в затянутые туманом дождливые дни. А если Паркеру понадобились бы книги или какие-то справочники... что ж, Беллармин всегда мог принести их ему со своих полок.

Говорили, что бывший арендатор этого помещения, погрязнув в пьянстве и карточных долгах, однажды не выдержал и всадил пулю себе в лоб прямо здесь. Потому желающих взять комнаты в аренду среди местных было не слишком много — и потому это помещение так приглянулось приехавшему из Ипсвича волшебнику (уж собирателю суеверий негоже бояться призраков!). Тем не менее, на стене оставался след от пули вместе с подозрительного вида бурым пятном, и мистер Паркер подавлял тошноту всякий раз, глядя на стену, покуда Беллармин не прибил туда гвоздь и не повесил картину, подаренную ему одной из своих многочисленных не то сестер, не то тетушек.

То была картина с линейным кораблем Его Величества под названием «Термагант», *HMS Termagant*. Прекрасный парусник, стоящий на якоре в прибрежных водах, стал, пожалуй, главным (если не единственным) украшением этих действительно много повидавших стен.

Можно было предположить, что картина приглянулась Беллармину из-за его армейского прошлого, однако это было не так. Дело было в том, что Термагантом древние англы и саксы на востоке страны звали свое главное божество. В скандинавских странах ему соответствовал бог Тюр или Тир, дающий победу в битве. Поэтому Беллармин, будучи истинным болотником, смекнул, что заручиться поддержкой известного покровителя этой земли было бы для их конторы крайне полезно.

Другой (и куда более известный в народе) покровитель этой земли облюбовал себе место прямо на рабочем столе мистера Паркера. Изображение святого Эдмунда, короля-мученика Восточной Англии, которого когда-то широко почитали как главного святого вообще всей страны (пока в средние века эту должность не занял Георгий Победоносец), в бордовой мантии, короне и со стрелами в руке, стояло на столе волшебника рядом с другим значимым предметом — вырезанным из бумаги дамским профилем, окаймленным черной траурной виньеткой. Больше на рабочем столе не было ничего, что давало бы пищу для размышлений или догадок — одни лишь гусиные перья, ножик для их заточки, несколько книг, тетради да чернильница.

И чашка кофе на блюде, конечно же. Ее уже принес Беллармин вместе с письмами, которые прибыли в город утренним дилижансом.

Мистер Паркер взял три пришедших письма и помрачнел. Они ему не понравились. Еще меньше ему нравилось то, *от кого* эти депеши сюда приехали. И самое худшее — раньше он получал их от силы по одному в год, как дань банальной вежливости. Потом — чаще и больше. И вот, пожалуйста, целых три за утро! Ситуация явно выходила из-под контроля, а как с ней справиться, волшебник не знал. Он поднял взгляд. Беллармин по-прежнему стоял у стола, словно выжидая, когда хозяин как-то прокомментирует эти самые письма.

Но Чарльз Паркер был не дурак. Он уставился на помощника тяжелым взглядом, не моргая, и так они играли в гляделки несколько мгновений. Беллармин не выдержал первым:

— Очень любезно со стороны мистера Сеймура интересоваться вашими делами даже из-за границы, сэр.

Паркер осторожно согласился:

— Пожалуй, что так.

— А я сначала подумал, что нам мог бы написать мистер Хэвишем, тот хитрый человек из Лондона...

«Хитрыми людьми» или «жабьими людьми» издавна в народе называли практикующих колдунов.

— Знающий человек, Беллармин, — поправил его волшебник. — Не *хитрый*, а *знающий*². Я читал, что это определение произошло от англосаксонского *cynnan*, «знать».

Секретарь добродушно улыбнулся:

— Совершенно верно, сэр. И вы сами просили несколько лет назад использовать вариант, который бы отличался от уже принятого определения «знахарь». А так как «жабники» вам тоже не нравились, то мы остановились на «хитрых людях». Но неважно... Я ждал весточки от мистера Хэвишема, но вместо этого прибыли аж три письма из Франции. Если хотите, я мог бы написать мистеру Сеймуру, что вы слишком заняты, чтобы отвечать... — предложил было он, но Паркер предостерегающе поднял руку:

— Спасибо, Беллармин. Этого достаточно. Я сам со всем разберусь.

Тогда помощник, выразительно хмыкнув без какой-либо тени смущения, пошел к себе, оставив мистера Паркера одного с запечатанными письмами в очень напряженных руках. Беллармин давно знал, что его начальник — большой властолюбец, которому пришлось зарабатывать свой авторитет самостоятельно, и который будет держаться за этот авторитет изо всех сил. С такими, как Чарльз Паркер, лучше было не вступать в споры (*только посмотри, как строго он смотрит, сдвинув свои темные брови! Он думает, что его должны бояться — так позволь ему верить в это*), а просто вовремя кивнуть и уйти.

Тем временем волшебник откинулся на спинку стула, взял кофе и внутренне ощерился, вспоминая хмыканье секретаря в дверях минуту назад. «*Твой Беллармин слишком много на себя берет*». В этом определенно была доля правды. Но Рич, когда-то сказавший это, теперь и сам заваливал его своей корреспонденцией, нисколько не считаясь с тем, какой опасности подвергал волшебника. А Беллармин за это — вы только посмотрите! — почти в открытую над ним насмехался.

Как они все надоели, негодуяще подумал мистер Паркер и наконец-то сделал глоток кофе. Напиток, как назло, был типично по-белларминовски хорош, и спустя некоторое время волшебник уже не мог заставить себя думать о своем секретаре хуже, чем тот заслуживал.

² Основной эвфемизм, обозначающий в Англии народного целителя (так называемого «белого» практика, не имевшего ничего общего с ведьмами, к которому обращались местные за магической помощью или предсказаниями), был *cunning man/cunning woman*.

Да и с чего ему было думать о нем плохо? Ведь Кристофер Беллармин был не только ветераном войны, на которой он жертвовал собой во имя короля и отечества. Нет. Этот человек не раз жертвовал собой и ради самого Чарльза Паркера. Таскался с ним по кладбищам подслушивать обряды костников, навещал деревенских знахарок, согласных за щедрые посулы поделиться тайнами своих заговоров и лекарственных средств.

Даже свою фамилию Беллармин получил, раскопав чуть ли не по всей Восточной Англии несколько десятков спрятанных прежними поколениями «ведьминых бутылей» — так сейчас называли кувшины Беллармина, бутылки, импортируемые из Европы в XVII—XVIII веках, с изображенным на горлышке бородачом. Эти бутылки, прозванные также «седобородыми», *grey-beard*, были прочны и покрыты коричневой соляной глазурью. Поэтому польза этих сосудов для прикладного колдовства была еще и усилена глазурью из соли, придававшей им дополнительную силу. Говорили, что свое имя бутылочки получили в честь католического кардинала Беллармина, великого преследователя протестантов в Нидерландах.

Однако живущий в Болотах мистер Беллармин, помощник волшебника, хоть ненавидел и Нидерланды, и всю Европу в целом, и к католикам себя тоже, упаси боже, не относил, тем не менее, с гордостью носил эту взятую после войны фамилию³, буквально «сделав себе имя» на раскопках тезок-бутылочек.

Какой же была настоящая, «довоенная» фамилия его секретаря, не знал даже сам мистер Паркер. Волшебник знал лишь, что слава добытчика исторических бутылей и комичное сходство с бороатым мужичком на горлышке обеспечили Беллармину стойкую репутацию в их узкой отрасли. Помощник тоже не был практикующим колдуном, но имел чутье к зарытым артефактам, тайным сборищам и всему, что было скрыто от чужих глаз. Немудрено, что на войне Беллармин занимался медицинскими делами — то, что было спрятано внутри человеческого тела, что болело и что должно было быть излечено, он чувствовал безошибочно, каким-то воистину нечеловеческим чутьем.

Когда-то давно именно таким чутьем на невидимые для посторонних глаз опасности, он и увязался за Чарльзом Паркером, изрядно выпившим и проигравшим большую сумму за карточным столом, в дом с дурной репутацией (Беллармин закатил глаза, едва лишь прочитав на вывеске название злачного места). И оттуда он вытащил волшебника прежде, чем тот проиграл бы собственную душу.

— Не надо вам ходить в такие места, мистер Зима, — предостерег его тогда Беллармин где-то на задворках города темной ночью. — О вас будут плохо говорить. Они и так знают, кто ваш отец и что от этого стало с вашей женой. Если вы будете ходить в такие сомнительные места, мистер Зима, о вас узнают еще больше.

Он сказал *«кто ваш отец и что от этого стало с вашей женой»*. Беллармин, хоть знал и не все, тем не менее, знал много. Беллармин знал про Элеанор (да, в сущности, а кто не знал? Это давно перестало быть секретом для кого бы то ни было в Н...). Знал про Старую Зиму, великого колдуна всея Ипсвича. Но еще он знал про то, что Старая Зима отказался от Чарльза из-за его женитьбы и проклял его невесту.

— Я не мой отец, — сразу предупредил его тогда Паркер, сидя на земле и медленно приходя в себя. Несмотря на опьянение, его голос моментально стал очень серьезным. — И не зови меня «мистер Зима». Никогда.

Беллармин кивнул:

— Как скажете, сэр.

³ Ни Беллармин, ни отец мистера Паркера, Старая Зима, не считали нужным сохранить свои настоящие фамилии, и потому представлялись окружающим и фигурировали в документах исключительно под выбранными ими псевдонимами, которые вскоре заменили их имена насовсем.

С тех пор они не расставались. Вскоре коллекция книг и заметок по магии восточных графств перекочевала из съемной спальни Паркера в отдельное помещение, затем это помещение стало называться их конторой, а потом они оформили все это в «Общество антикваров и исследователей древностей Болотного края», и Беллармин превратился там в единственного помощника волшебника.

К вечеру в офисе было выполнено много задач: обряд посвящения в костники был аккуратно записан в тетрадь, а также подшит к другим свидетельствам церемоний вступления в иные секретные сообщества этих краев (вроде братства мельников, гильдии свободных садовников или же братства плуга).

Закончив с этим, мистер Паркер занялся тем, что больше всего любил в своей работе — изучением связи магии с историей быта. К примеру, летом они с Беллармином ездили в Или, где им по совету одного из местных антикваров удалось исследовать несколько домов XVII века. Оказалось, что там в спальнях между балками было набито множество морских раковин и скорлупок грецких орехов. Подобная смесь использовалась во многих домах Восточной Англии для звукоизоляции. Однако везде, где при строительстве старого дома обнаруживались морские раковины или скорлупки грецких орехов, антиквары также часто ссылались на традиционное магическое значение этих ингредиентов. Связь богини Афродиты с морской раковиной была широко известна в этих краях, и потому ракушки, панцири улиток и жемчужины были широко распространенными символами любви и брака.

Грецкий орех обладал аналогичными коннотациями. Считалось, что это дерево завезли на Британские острова римляне: в их традициях было разбрасывать грецкий орех на свадьбах. Плиний старший утверждал, что грецкий орех фигурировал на свадьбах, потому что был символом брака и гарантировал здоровое потомство.

Поэтому и мистер Паркер со своим помощником, и другие антиквары в Или пришли к выводу, что в спальнях эпохи Тюдоров и Стюартов ореховые скорлупки и ракушки выполняли двойную — в том числе и магическую — функцию...

Все это волшебник тоже бережно записал в тетрадь, и за такими делами он провел остаток рабочего дня.

После позднего обеда Беллармин решил не звать посыльного и сам отнес несколько писем в таверну, где останавливались почтовые дилижансы. Это были письма нескольким антикварам, вдохновленным мистером Обри⁴, которые, как и Чарльз Паркер, тоже занимались коллекционированием записей о народных обрядах в других городах и деревнях.

Но из таверны Беллармин вернулся с еще одним письмом, которое он с очередной противной ухмылкой бросил на стол начальника. Тот лишь зло глянул на знакомый почерк отправителя и сгреб письмо к себе, а затем, не распечатывая, отложил его к трем остальным, пришедшим утром. *Снова оттуда же.*

— Ты снова хочешь как-то пройтись по мне насчет этого, Беллармин?

Но секретарь лишь нарочито небрежно пожал плечами, словно отправитель этих писем беспокоил его куда меньше, чем насущные вопросы:

— Доставка почты из-за рубежа дорогая, сэр. Мистер Сеймур не должен узнать, сколько вы заплатили за четыре письма из Франции за одни только сутки?

Конечно же, почтовые расходы оплачивались получателем и зависели от количества листов и расстояния. Так что бог знает сколько Беллармин уже взял из кассы «Общества»,

⁴ Джон Обри (1626—1697) — английский писатель и знаменитый антиквар, исследователь британских древностей.

чтобы заплатить за эту эпистолярную болтовню Рича (без сомнения, либо пустую, либо крамольную — оба варианта плохи).

Нет, это совершенно никуда не годится! Поблагодарив Беллармина, волшебник дождался, пока тот закончит все дела и уйдет домой, и только тогда, наконец, поднялся из-за стола. Закрыв контору, мистер Паркер медленно пошел по улице.

Осенний ветер неприятно задувал под полы тяжелого пальто, накрапывал мелкий дождик. Мысль о возвращении в дом миссис Данн внезапно вызвала еще больший прилив усталости. Ах да, сегодня же планировался тот клятый ужин, где его с бедной Джорджианой должны были посадить вместе. И, хотя миссис Данн была не самой лучшей хозяйкой (и повариха у нее тоже не отличалась мастерством, Беллармин был прав), сам приезд Джорджианы затевался как своего рода светская стратегия — в конечном итоге выдать небогатую юную родственницу за чуть более обеспеченного арендатора. И не просто арендатора — а сорокавосемилетнего вдовца, выкапывающего из земли магические побрякушки минувших столетий! Какая дикость!

Право, какой же стыд сватать такую молодую и ни в чем не повинную особу МНЕ!, содрогнулся Паркер. Прибавив шаг, он нарочно развернулся и пошел в противоположную от Марш-лейн сторону. Идти на ужин и впрямь не оставалось никакого желания.

И, хотя его часто воспринимали загадочным (все-таки волшебник!) или даже мрачноватым, все же, если можно было выбрать одну-единственную точную характеристику Чарльза Паркера, ей бы стало слово «уставший». Он уже давным-давно ужасно, нечеловечески от всего устал. *Устал, устал, устал*. Устал от того, что его хотят повторно женить, что у миссис Данн вечно гостит какая-то девица, которую ему упорно сватают. Устал от преследований Джейн Вудс. Устал корить себя за смерть Элеанор и бесконечно возвращаться к ней в своих мыслях. Устал от напоминаний об отце (*о, мистер Зима-простите-Паркер, для нас честь говорить с сыном такого отца...*) и от вечного проигрывания в сравнениях (*а старший мистер Зима, помнится, приводил другой рецепт средства от болотной лихорадки...*).

Но больше всего он устал от неугомонных писем Ричарда Сеймура, приходивших теперь уже по несколько раз в день.

Если бы Ричу было дело, он бы от меня не уехал. Беллармин сказал, что Рич трус и якишался с французами во время войны. Беллармин считает, что Рич всегда был предателем — и своей страны, и меня лично. Если бы Ричу действительно было до меня дело, он бы не свалил за море, как только узнал, что отец не оставит мне наследство...

Волшебник свернул через узкий проулок на параллельную улицу, где пока еще не все лавочники убрали свои витрины. Один из уличных торговцев закрывал от накрапывающего дождя короб со светлыми глиняными трубками и табачными кисетами.

Ох... Искушение одолело мистера Паркера, и он глубоко вздохнул. Волшебник перестал курить трубку несколько лет назад, но до сих пор то и дело чувствовал соблазн вновь насладиться этим пагубным дымом. Он свистнул мальчишке, стоящему рядом с торговцем, — на шее тот носил ящик с несколькими товарами из лавки, чтобы продавать их в рыночной толчее, и вот к концу рабочего дня вернулся домой. Смекнув, что можно напоследок подзаработать еще денег, мальчишка резво подбежал к смурному темноволосому мужчине в черном пальто, и тот купил у него самую простую трубку, немного табака и огниво.

А затем мужчина в черном пальто вновь направился вперед, но уже опять по другой улице, уходя все дальше и дальше от центра города. Погруженный в свои мысли, мистер Паркер не замечал, как ноги словно сами несли его к окраине, к природе, к реке.

Когда он покинул последнюю улицу Н..., освещенную масляными фонарями, и направился дальше на восток, к Речным воротам, его мысли, казалось, уже витали где-то в иных

мирах. Чарльз Паркер больше не знал, где он находится. Погрузившись в себя, он более не узнавал этот город, пусть тот и выглядел совершенно привычно: здесь было холодно и дул осенний ветер; моросил колкий дождь. В далеком Йоркшире, на севере, откуда был родом его отец, колдун Старая Зима, по словам старика, это называлось «mizzle» — мелкий туманный дождик или морось.

Но мистер Паркер уже не обращал внимания ни на что, даже на столь дискомфортную погоду. Он все думал и думал о проклятых письмах в кармане своего пальто.

Забавно: когда-то Рич всерьез заявлял, что определенная последовательность нот способна пробудить магию куда мощнее вербальных заклинаний! Уже и не вспомнить, сколько они выпили перед этим на втором этаже ипсвичской усадьбы «Старая Зима», но Рич, желанный гость в этом доме, друг детства, был феноменально в себе уверен по части прикладной магии в том числе. У него, помнится, был клавесин, и та загадочная последовательность нот совершенно точно начиналась с ноты ре.

Ре... Ля... Мистер Паркер сделал еще несколько шагов по улице, чья застройка становилась все более и более редкой, и только сейчас почувствовал, что мощные камни под ногами уже давно сменились притоптанной влажной землей. Фа. *Точно!* Это были ре, ля и фа. Три из четырех нот он вспомнил. Но что же было четвертой нотой? До?..

Господи, сколько лет назад это все было!

Тогда Чарльз еще тешил себя надеждой унаследовать отцовское ремесло, стать самому практикующим колдуном. Ведь кем он был на самом деле? Незаконнорожденным сыном известного в Ипсвиче мага и вдовы местного викария (*какой скандал! О, скандал!*), миссис Мод Паркер.

Его мать имела неплохое состояние: по сути именно оно, да еще доход от сдачи ее дома в Ипсвиче ныне и составляли содержание волшебника. Да что там! Его мать даже была *леди* — именно поэтому юный Чарльз сумел получить неплохое образование и в целом считался в обществе человеком приличным. Считался *джентльменом*. Письма ему всегда (даже сегодня) адресовали не иначе как «мистеру Паркеру, *эсквайру*».

Что же касалось скандальных обстоятельств его рождения — в Ипсвиче об этом боялись говорить в презрительном ключе. Народ опасался прогневить Старую Зиму и потому относился к его единственному сыну с должным почтением. Леди Мод умерла очень рано, поэтому детство и отрочество Чарльз проводил вместе со своим другом Ричем в отцовском особняке «Старая Зима».

Да, тогда он был уверен, что получит все это в будущем. Он был уверен, что сам станет Чарльзом-Зимой, а потом и Чарльзом-Старой-Зимой (ведь Рич называл его «Чарли Зима» еще с малых лет). Ничего не вышло. «*Несчастный сын! Тебе не видать моего благословения! Ты получишь лишь отцовское проклятье!*» — кричал Старая Зима, вне себя от ярости, услышав о помолвке с Элеанор. В итоге все случилось как случилось. Отец его отверг, а особняк, который должен был перейти ему по праву, теперь занимал некто Алан Сорсби, тот самый другой маг, приехавший из Корнуолла.

Да и не в особняке-то в общем было все дело, и даже не в профессии. Видите ли, когда-то давно Чарльз Паркер тешил себя надеждой прожить с Элеанор, своей нареченной, там же в Ипсвиче много-много лет, состариться вместе, проводя каждый день в заботе друг о друге....

Нет нет нет, не смей! Ты не будешь об этом думать сейчас. Ты не можешь развалиться на части прямо сейчас — а если кто-то увидит?!

Мистер Паркер шмыгнул носом и полез в карман за носовым платком. Прижав его к глазам ненадолго, волшебник продолжил свой путь и попытался развернуть мысли в более безопасное русло.

Так, и что же там Рич? Ах да, в юности они проводили в поместье отца недели напролет. Рич (о, снова простите, Ричард Сеймур, а теперь, должно быть, и вовсе *мсье Сеймур*, с ударением на последний слог) был сыном магистрата, издавна дружившего со Старой Зимой и помогавшего колдуну с поддельными документами на поместье (прежние владельцы просто «подарили» его Старой Зиме за какой-то огромной важности обряд, а Сеймур-старший подсобил, чтобы все выглядело официально — за обещанную ему часть недвижимости в будущем, конечно же). Их отцы договорились каким-то образом разделить поместье меж сыновьями, оттого Рич так и взбесился, когда эта сделка сорвалась.

Но тогда, в юности, они еще не ссорились. Просто шатались по парку, притворяясь, что деревья — это застывшие духи леса. Пропадали в волшебной библиотеке отца, где, как считалось, были собраны лучшие книги со всего света. Пересказывали байки про шаманов из диких племен, про их методы «полета души» путем ритмичного стука в бубен. Били ладонями по коленкам, каждый раз сбиваясь на народные песенки и прыская от хохота при этом. Рисовали на полу мелом колдовские круги, играли в мудрецов и астрологов прошлого. Чарльз воображал себя Джоном Ди, а Рич — Эдвардом Келли, и тогда-то, наверное, и пошли те разговоры про волшебную мелодию, способную открыть двери в чужие сновидения...

Так, совсем глубоко погрузившись в воспоминания, мистер Паркер уже миновал Речные ворота и направился дальше. И здесь нам, дорогие читатели, надо снова обратить внимание на то удивительное место, где жил волшебник.

Болотный край или Болота представляли собой низменность с узкими канавами, озерами и прудами на востоке страны. Сюда постоянно дул холодный восточный ветер с Северного моря, а вода в канавах была слегка солоноватой. Это были участки богатых пастбищ, густой травы и диких птиц. Болота не находились вблизи моря, за исключением мелких участков, и большую их часть составляли осушенные илистые земли, высушенные для получения богатых урожаев зерна с полей.

Именно поэтому, дорогие читатели, в эпоху промышленной революции, пришедшуюся как раз на все годы жизни Чарльза Паркера, его родной край оставался удивительным оплотом тишины и спокойствия. Произошла поразительная вещь — довольно развитый регион превратился в чисто аграрную «житницу Британии», а традиционное производство шерстяной ткани здесь не выдержало конкуренции с появившимися фабриками на севере страны (Йоркшир и Ланкашир), где было много дешевого угля. Поэтому, пока другие регионы страны выбирали промышленность, открывали угольные шахты и покрывались уродливыми фабричными трубами и плавильнями для железа, изрыгающими пламя, дым и копоть, восток Англии так и оставался центром земледелия и фермерских хозяйств.

Вся самобытная культура этого региона зиждилась на двух факторах — почве и климате. На заре времен восток острова неоднократно покрывался морской водой, и именно в этот период сформировалась его меловая «подстилка». Еще эти земли были покрыты льдом во время ледникового периода. А при таянии льда же остался богатый слой полезного материала, поэтому местная почва идеально подходила для выращивания зерна.

Здесь не было камней и гор, здесь не было ярких, запоминающихся ландшафтов и сказочных густых лесов, но это был процветающий край с прекрасной землей, всегда полностью подчиненный стихии воды.

И вот теперь, получив представление о том, в каком именно месте жил наш герой, бредущий сейчас под мелким морсящим дождиком, самое время вновь направить на него наше внимание.

Ведь, внезапно остановившись посреди уже совсем темной дороги (почти тропинки), ведущей вдоль живых изгородей к подножию холма, мистер Паркер наконец-то отвлекся от своих дум и осмотрелся по сторонам.

Речные ворота давно остались позади, равно как и город. С вершины единственного на много миль вокруг пологого холма виднелась река и широкие плоские поля за ней, расчерченные сверкающими стальными линиями, похожими на ручьи, но идеально прямые. На самом деле это и были ручьи, разве что искусственные — каналы, разрезавшие поля, траву и редкие кустарники, словно серебристые лезвия в темноте.

Внизу холма стояла ветряная мельница графа Эксмур, местного лендлорда, перекачивающая воду в реку, чье темное течение вдруг заставило сердце мистера Паркера сбиться с ритма.

Чертova река! Он ненавидел к ней приближаться и старался избегать рек последние восемнадцать лет.

Паркер достал из кармана полученные сегодня письма (по-прежнему нераспечатанные) и слегка сжал ладонь, остро желая их смять. Но затем, достав свободной рукой трубку и огниво, он набил ее щепоткой табака, после чего парой отточенных ударов высек искру и уже вскоре с наслаждением втянул в себя дым...

Увы, буквально через считанные секунды волшебник с непривычки зашелся сильнейшим кашлем. Его глаза моментально заслезились из-за кашля и ветра, а глубокая затяжка принесла еще большее помутнение в мыслях и ощутимую слабость в коленях.

Не пригоден ни к чему, с горечью подумал бедный мистер Паркер и, признав поражение, вытряхнул тлеющий табак на сырую от дождя землю. Отдышавшись и подняв взгляд, волшебник с удивлением заметил, насколько плотный вокруг сгустился туман за столь короткое время. Туман стал таким плотным, что волшебнику на мгновение показалось, что он более не стоял на земле, а летел в гряде облаков...

Что ж. Потерпев неудачу с трубкой, мистер Паркер с усмешкой вспомнил, как в его любимой истории мистера Гофмана, писателя-романтика с континента, герой, незадачливый студент, перед встречей с волшебным миром то и дело клянет свою невезучесть: *«Случалось ли мне надевать новый стюртук без того, чтобы сейчас же не сделать на нем скверного жирного пятна или не разорвать его о какой-нибудь проклятый, не к месту вбитый гвоздь? Кланялся ли я хоть раз какой-нибудь даме или какому-нибудь господину советнику без того, чтобы моя шляпа не летела черт знает куда или я сам не спотыкался на гладком полу и постыдно не шлепался?...»*⁵ Именно таким же невезучим мистер Паркер себя и чувствовал — однако его непростительное отличие от персонажей мистера Гофмана заключалось в том, что он еще был вдвое их старше.

Очередной порыв ветра, заставивший остатки тлеющего пепла из трубки взметнуться прямо перед глазами, оказался столь силен, что мистер Паркер инстинктивно зажмурился. При этом его пальцы разжались, и все четыре письма, которые он до этого держал под трубкой, в тот самый момент вдруг оказались в воздухе! Легкие и бумажные, они тут же были подхвачены ветром и, радуясь своей неожиданной свободе, полетели прочь...

Черт!

Мистер Паркер выругался себе под нос и тут же поспешил за письмами. Не хватало еще, если кто-нибудь посторонний такое прочтет! У него и так было немало проблем из-за раз-

⁵ Здесь и далее — пер. В. С. Соловьева.

молвки с отцом, из-за Элеанор, *из-за ВСЕГО*. Письма из Франции стали бы последней каплей, чтобы его годами выстраиваемый в Н... авторитет мигом растаял, как ледяная фигурка, превратив его в того, кем он и являлся на самом деле — самозванцем, урожденным колдуном, нежеланной персоной, изгоем.

Поэтому, дорогие читатели, нетрудно понять, почему Чарльз Паркер, тут же позабыв и про трубку, и про свою прежнюю меланхолию, теперь уже со всех ног бежал, чтобы догнать треклятые письма. Боже мой! Как торопился мистер Паркер схватить в воздухе свою корреспонденцию! Его расстегнувшееся пальто хлопало на ветру, словно черные крылья летучей мыши. Его туфли с серебряными пряжками то и дело увязали в болотистой земле, которая становилась тем мягче, чем ближе он подбирался к реке. Его шляпа едва защищала от осеннего дождя; а лицо его выражало крайнюю степень досады.

Увы, дотянуться до писем волшебнику так и не удалось. Тщетно пробежав несколько десятков ярдов, он обогнул выступ речного берега и, когда ветер стал немного слабее, в конечном итоге уперся в деревянный забор. Белые странички писем, поблескивающие на фоне темного неба, словно зловещие кости на кладбище прошлой ночью, медленно, словно опадающие листья, приземлились на чужом участке за забором. На *графском* участке за забором, если вы позволите мне это важное уточнение, дорогие читатели.

— О, черт, да чтоб меня!.. — уже не сдержался бедный мистер Паркер, опершись на забор и переводя дух.

Письма тем временем, как назло, преспокойно улеглись на небольшой лужайке. Они сбились в один хлипкий бумажный ворох прямо у корней одиноко стоящего дерева, чьи ветки чернели на фоне сизого неба и ветряной мельницы, а ветер (тоже как назло!) уже полностью стих. Все птичьи крики, которые доносились в этот поздний час до слуха волшебника — совиное уханье, крик кроншнепа и жуткое завывание выпи — все они казались зловещим воем из могилы. Как мрачно было это слышать! Немудрено, что этот берег считался у местных дорогой в страну фей — суеверные крестьяне боялись появляться здесь в сумерках или в полночь, ибо, согласно поверьям, в таком заколдованном месте феи могли похитить человека и утащить его в свое царство навсегда...

Но в первую очередь это были Болота. Всего лишь Болота. Волшебник прожил всю жизнь в этих краях и из-за своих с Беллармином исследований наслушался такого количества местных суеверий, что давным-давно выработал привычку не принимать их за чистую монету.

Поэтому мистер Паркер перестал прислушиваться к птичьим крикам и вместо этого внимательно огляделся по сторонам.

Увы и ах, ситуация и впрямь была патовой. Без сомнений, он подобрался вплотную к угольям графа Эксмур, чей роскошный особняк у реки был чуть ли не единственной достопримечательностью Н... Однако звать прислугу его светлости (или, не дай бог, звать самого графа) у волшебника не было ни малейшего желания. Он, как и все в городе, старался обходить стороной эксцентричного землевладельца и не хотел бы привлечь внимание тех, кто на него работал. (*Только представить себе шок и негодование его светлости, если бы кто-то из прислуги сейчас заметил на его земле Чарльза Паркера! Только вообразить это!*)

Лорд Эксмур, согласно слухам, свихнувшийся много лет назад из-за смерти обожаемой невесты, доживал свой век в небывалой роскоши, однако радости не знал. Высохший и седой, в вечно сползающем набок парике, старик, когда его видели в городе, постоянно бубнил что-то про призраков и душу своей драгоценной возлюбленной, которая постоянно зовет его к себе. Видимо, призраки старались плохо — лорд Эксмур разменял уже восьмой десяток и на том свете его явно не ждали. Поговаривали, он не раз пытался решить вопрос самостоятельно — прислуга из господского дома утверждала, что под воротником у графа *«все нарезано не хуже, чем рождественская ветчина»*. Однако в основном люди опасались повторять подобные слухи,

дабы не связываться с правосудием⁶. И лорд Эксмур, пусть и жаждущий войти в мир иной, тем не менее, оставался в мире обыденном и единственным аристократом Н..., и хозяином земельного надела с прекрасным особняком.

Этот выстроенный в классическом стиле двухэтажный дом стоял на самой вершине того самого пологого холма, а небольшой парк с подъездной дорожкой находились с другой стороны. Здесь же, у реки, без сомнения, ничего важного не было, кроме разве что мельницы, охотничьей сторожки да нескольких беседок. Однако мысль о том, чтобы незаконно проникнуть в чужие владения в темноте, да еще и, не дай бог, быть там пойманным, заставила мистера Паркера нервно поежиться.

Дождь тем временем лишь усиливался. Только сейчас волшебник начал запоздало осознавать, что уже насквозь промок, забрел неведь куда, да еще и умудрился оставить компрометирующие письма на участке графа! *Ну и ну. Что ни ночь, то проблема!*

И, по логичному уразумению решив, что терять ему нечего, и что лучше уж объясняться с констеблем, чем позволить *хоть кому-то на свете* прочитать корреспонденцию от Рича, мистер Паркер (который раз за день!) горестно вздохнул, а затем перелез через забор и направился в сторону ветряной мельницы, напрямиком к старому дереву, одиноко стоявшему у реки.

⁶ До 1961 года в Англии попытка самоубийства являлась уголовным преступлением, которое влекло за собой наказание и арест в случае неудачной попытки, а в случае удачной все имущество самоубийцы конфисковывали в пользу короны.

Глава 2

Колдуны Восточной Англии обладали недюжинными талантами. Некоторые из этих хитрых людей (или жабьих людей, или других эвфемизмов), например, предпочитали ездить куда-то только по ночам, когда стемнеет. Другие же всегда носили при себе некий медный амулет, чтобы определять, когда человек говорит им неправду⁷. У магов в Болотах были и зеркала, позволяющие, как утверждалось, смотреть сквозь стены, и пузатые кувшинчики-«беллармины» с бородачом на горлышке, которые после ритуалов закапывали в землю.

Старая Зима, известный по всему региону колдун из Ипсвича, всегда славился «гипнотическими» способностями, с помощью которых он мог заставить людей, посягнувших на чужое добро, горько пожалеть о содеянном. Так, однажды Старая Зима поймал вора с украденными дровами и магическим воздействием заставил его часами ходить кругами, с этими самыми дровами в руках, пока вор не упал от изнеможения. В другой раз жабий человек поймал воришку, таскавшего овощи из огорода доктора. Тогда Старая Зима использовал магию, чтобы заставить вора сидеть неподвижно всю ночь на капустных грядках.

Можно было предположить, что родной сын Старой Зимы, мистер Чарльз Паркер, унаследует подобные таланты и сумеет обезопасить себя, окажись он на месте тех самых незадачливых воров на чужом участке. Или, возможно, ему помог бы другой колдовской навык — безопасное передвижение в ночной темноте? Однако мне жаль это говорить, но никакое магическое родство, увы, не помогло мистеру Паркеру в ту ночь. Ведь он сам из принципа много лет назад отказался практиковать любые обряды, и потому теперь даже не мог наколдовать себе простейший морок, чтобы стать незамеченным; он не мог повлиять на других, чтобы те опасались к нему подойти. И сам уйти он тоже НЕ МОГ, пока не заберет обратно те трижды проклятые письма (*от проклятого Рича!*).

Поэтому сейчас мистер Паркер стоял все там же, на топком берегу, где река делает медленный изгиб, но теперь — уже на *чужой территории*. И не просто на чужой — а на земле, ни много ни мало, его светлости лорда Эксмур. Поместье графа находилось совсем рядом и вряд ли пришлось бы сомневаться в том, что бдительная охрана графских угодий вот-вот приметит Паркера и спустит на него собак. Поэтому действовать нужно было быстро.

Проникнув на участок лендлорда, мистер Паркер сощурился, чтобы внимательнее разглядеть место, куда прилетели по ветру письма. Каково же было его изумление, когда он вдруг обнаружил, что находится тут не один!

Да-да, именно в такой поздний час, да еще и в такую холодную погоду, он увидел, что около дерева спиной к нему стояла высокая статная дама, которую он даже не заметил, находясь по ту сторону забора! Дама была с короткими светлыми волосами и в странной одежде. Одежда ее и впрямь выглядела старомодной, скроенной на старинный, причем мужской, манер, хотя и очень красивый — белая рубашка, брюки и сапоги для верховой езды, длинный зеленый плащ и прекрасный гофрированный воротник тюдоровских времен.

— О! — воскликнул мистер Паркер, несколько встревоженный появлением незнакомки на берегу реки в такой час. — Прошу прощения, мадам! Я не хотел намеренно досаждать его светлости, я не...

⁷ Здесь и далее автор использует биографические данные о хитрых людях Восточной Англии, упомянутые в книгах Майкла Говарда, Найджела Пирсона, Филипа Карр-Гомма, Ричарда Хэйгейта и др. Что касается хитрого человека, известного как Старая Зима (Old Winter) — его исторический прототип жил немного раньше романного (согласно источникам, Старая Зима начал свое ремесло, «будучи еще молодым человеком» в 1744 году). Никаких других данных, помимо перечисленных случаев с ворами, о нем не осталось, известно лишь, что после многолетней практики в Ипсвиче «настоящий» Старая Зима удалился на покой в Олдборо, небольшой городок на морском побережье.

Дама повернулась к нему, но... О, это было очень странно, но казалось, будто она вообще не смотрела на мистера Паркера, а смотрела *сквозь* него. Спустя мгновение она вздрогнула, словно тоже испугалась другого человека, но буквально через секунду так резко и решительно направилась к волшебнику, что тот вскрикнул и отшатнулся, потому что был уверен, что она вот-вот столкнется с ним.

— Осторожно, мэм! — попытался предупредить он, делая шаг назад.

Однако высокая женщина в зеленом плаще застыла буквально в нескольких дюймах от Паркера, наконец-то посмотрела *на* него и с не меньшим удивлением произнесла:

— Это ты, вороненок? Ну и долго же тебя ждать! Знаешь, таким как я очень рискованно попасть в поле зрения человека!

Чарльз Паркер моргнул один раз, затем другой. Он совершенно не мог понять, что происходит. Кто (а тем более — такая леди!) мог бы добровольно находиться здесь в такую погоду? Кто мог бы прийти в такое унылое, топкое место, не пригодное для прогулок или рыбалки? *Кто вообще мог бы назвать его «ВОРОНЕНОК»?!*

Могла ли незнакомка быть гостьей или родственницей лорда Эксмур? Вполне возможно. Но почему же тогда у нее был такой странный вид и откуда взялась эта фамильярность в ее обращении, словно они были близко знакомы?..

Вопросы-вопросы... Не успел волшебник даже подумать над ними, как уже задался следующим: а что же произошло с участком лорда Эксмур? Темное небо слегка посветлело, обрело какой-то нездешний серо-синий оттенок, словно само время отныне шло иначе и теперь невозможно было понять, ночь на дворе или день. Странные сумерки сгустились вокруг, и в них можно было разглядеть очертания самых странных предметов — например, несколько невест откуда взявшихся больших черных арф, более угловатых, чем привычные нашему взгляду музыкальные инструменты.

Что произошло?, не мог взять в толк мистер Паркер. Может быть, он пересек границу в другой мир, как это умели делать *настоящие* волшебники? Но ведь он таковым не был... Хотя выглядело все и впрямь очень загадочно... На первый взгляд, казалось, ничего не изменилось. Вдали виднелись все те же бесконечные заросли камышей, перед ним стояла старая ива, могучая и уже почти потерявшая листву по осени. Все так же текла река, стремительно мчащаяся, словно гналась сама за собой... Однако — о, странность! — ни особняка на холме, ни ветряной мельницы больше нигде не было видно. И в самом деле — разве тут вообще была когда-то ветряная мельница?..

Паркер тут же пожалел, что не взял с собой Беллармина. Он настолько привык полагаться на помощника в изучении всего магического, что сейчас почувствовал себя неприятно уязвимым. Хотя с чего ему было себя так ощущать? Он был начальником Беллармина. Он сам был знатоком магии, серьезным мужчиной средних лет, повидавшим многое на своем веку. Не так-то просто было сбить его с толку. Успокоившись на этой мысли, Чарльз Паркер, казалось, вернул себе самообладание и принялся внимательно рассматривать незнакомку, изучая ее своим цепким взглядом.

Что ж, очевидно, она совершенно точно не была той дамой, которую он мог бы видеть в Н... раньше. Но откуда она тогда взялась тут, без прислуги и сопровождения? Она ведь не могла тоже прийти сюда пешком, да еще в такую слякотную погоду? Действительно, ни на одном из предметов ее одежды не было вообще никаких следов грязи. А если у нее и были шляпка или перчатки, то мистер Паркер их нигде рядом не заметил. Может быть, леди недавно высадила карета у участка лорда Эксмур? Карета, которую мистер Паркер тоже не слышал?

Если не считать подозрительного отсутствия грязи, одежда этой загадочной дамы, как волшебник уже отметил, была тоже весьма необычной. Вещи были дорогими и скроенными на какой-то средневековый манер, прямого пошива и изумрудно-зеленого цвета, за исключением рубашки и брюк (они были светлыми). На длинных ногах у дамы были высокие дорожные

сапоги, и еще мистер Паркер с тревогой заметил, что ее волосы были острижены выше плеч, и теперь светлыми мокрыми прядями прилипли к ее миловидному личику. Ох. Мистер Паркер вновь не знал, что и думать. Он видел женщин с короткими волосами несколько раз в жизни, но они были либо тяжелобольными, либо недавно вышедшими из тюрьмы или сумасшедшего дома. Хотя, возможно, эта леди была актрисой? (Что, конечно, считалось профессией в высшей степени предосудительной для женщин, хотя и не было секретом, что для подобной занятости всегда требовалась исключительная красота тела — и дама, стоящая перед Паркером, обладала этим достоинством сполна.)

— Ну что, вороненок, изучил меня как следует? — фыркнула незнакомка, теперь подходя еще ближе. — Ты ведь не заставишь меня усомниться, что ты не как все обычные люди, которых мой народ опасается?

— Прошу прощения, мэм. Вам нечего опасаться меня. Но вы разве знали... — мистер Паркер напрягся. Незнакомка говорила так, как будто она действительно ждала его...

— Да, я ждала тебя, — тут же произнесла она эту самую мысль вслух.

Как такое было возможно?! Должно быть, она спутала его с кем-то другим?

— Но как? — спросил волшебник. — Я только что решил прийти сюда, и я вообще едва ли часто прихожу в это место, мадам. Я не люблю быть у реки.

— Я знаю, дитя. Но все же спустя столько лет ты сюда пришел.

ДИТЯ?! А это еще что за нелепица? Дама выглядела не старше Паркера. Скорее, она выглядела младше него, да еще будучи такой худощавой и хрупкой (хотя и высокой — они с волшебником были примерно одинакового роста). Поэтому вести столь абсурдный диалог было не только неучтиво (по отношению к обоим участникам), но и попросту смешно.

Тогда Чарльз Паркер обратился к незнакомке напрямую:

— Вы жительница этих мест? Или вы гостите у лорда Эксмур?

Дама одарила его улыбкой и ответила, что она действительно местная.

— Ох, — мистер Паркер нахмурился. — Простите меня, мадам, но я должен заметить, что ни я, ни кто-либо из местных жителей, похоже, вас не знает. Я никогда не видел вас в Н...

— Но я видела тебя.

— Тогда кто вы, госпожа? Я Паркер. А вы, мисс...?

Однако на этот вопрос дама лишь пожала плечами и улыбнулась:

— А на кого похоже?

Что? Вместо имени она предлагала ему угадать, на кого она могла бы быть похожей? Видимо, незнакомка и впрямь обладала каким-то диковинным чувством юмора, которое волшебник совсем не понимал.

Неожиданно что-то неуместно веселое, даже дерзкое, пронеслось в мыслях мистера Паркера. Он почувствовал себя смелым, словно стал на двадцать лет моложе. Почти заинтригованный, он вновь оглядел костюм дамы и ее короткие светлые волосы, и предположил:

— Виола?⁸

— Ви-о-ла?! — повторила по слогам дама. Она по-прежнему улыбалась, но теперь, кажется, уже недоуменно.

Волшебник поспешил объяснить:

— Как в «Двенадцатой ночи», мадам. Это же что-то вроде образа для театра, верно? Ваш прекрасный необычный костюм и... все остальное, — он вежливо откашлялся, после чего продолжил с пылом, который удивил его самого: — Ах, должен признаться, мэм, я сам раньше посещал постановки Шекспира, и несколько раз бывал в Лондоне... Ох. Простите, я ужасно много говорю! Но вы ведь Виола, я правильно понял? Героиня «Двенадцатой ночи», которая переодевалась в мужчину?

⁸ Мистер Паркер подразумевает героиню пьесы «Двенадцатая ночь, или Что угодно» Уильяма Шекспира.

Незнакомка поколебалась, огляделась, затем, наконец, взглянула на старое дерево рядом с собой и представилась:

— Нет, не Виола. Я думаю, Уиллоу⁹... Но звучит похоже, да? Уиллоу Уиллоуби.

Боже мой! Увы, теперь уже не оставалось сомнений, что эта прекрасная леди страдала от душевной болезни, раз уж взяла себе имя ближайшего дерева! Но, по крайней мере, это хотя бы объясняло ее одежду и прическу. Возможно, она на самом деле жила у графа, ведь и о его душевном расстройстве ходило немало сплетен... Может быть, граф подобрал эту бедняжку в Бедламе и привез сюда? Возможно, лорд Эксмур так забавлялся, считая ее своей покойной невестой? Говорят же, что за определенную плату больных из Бедлама можно и наряжать, и...

Мистера Паркера передернуло.

...держал ли граф ее здесь как пленницу? Если да, то почему она не жаловалась? Хотела бы она сбежать отсюда?..

Ох! Ох! Какое множество мыслей! Как бы то ни было, у Чарльза Паркера не было ни малейшего желания общаться с сумасшедшей, ему и так хватало присутствия Джейн Вудс в его жизни. Но что-то в непривычной внешности незнакомки — то ли гофрированный тюдоровский воротник, то ли светлые волосы, прилипшие к бледному лицу и промокшие под дождем, — что-то заставило Паркера испытать неожиданный прилив сочувствия к этой даме. Он поклонился и церемонно протянул руку:

— Для меня большая честь познакомиться с вами, мисс Уиллоу.

Она ответила на рукопожатие, и ее кисть оказалась приятной на ощупь, но очень тонкой, словно сделанной из веток, а цвет кожи был не таким бледным, как лицо, но более бежевым, будто внутренняя кора дерева.

— Я тоже рада с тобой познакомиться, вороненок.

Волшебник криво улыбнулся:

— Мадам, просто Паркер, пожалуйста. Чарльз Паркер. Я не *вороненок*.

— Конечно же, ты вороненок! — уставилась на него Уиллоу своими прозрачными водянистыми глазами. Казалось, она искренне не понимала его объяснений.

— Но откуда вы меня знаете? — спросил Паркер.

— Я знаю о тебе довольно много, дитя, — сказала дама, стряхивая капли дождя со своего длинного зеленого плаща. — Можно сказать, мы уже встречались.

— Если такое и произошло, мэм, то я, к сожалению, этого не помню, — Паркер саркастично усмехнулся против своей воли. Он сомневался, что позабыл бы встречу в георгианской Англии с модницей, одетой средневековым пажом.

— Конечно, не помнишь, — ответила мисс Уиллоу непринужденно: — Потому что ты спал.

С этими словами дама перевела свой взгляд в сторону камышовых зарослей, где как раз можно было услышать плеск воды: лягушка спасалась от крадущейся в темноте цапли и ее клюва-кинжала.

— Вы встретили меня во сне? — уточнил Паркер. Давненько он не слышал чего-то настолько чертовски нелепого. *Господи, какой бред городила эта чудачка!*

— Часть тебя, — пояснила леди.

⁹ Willow — англ. «ива».

Изумленный, но, несомненно, не желавший возвращаться домой, пока не найдет проклятые письма, Чарльз Паркер все-таки решился побеседовать с этой диковинной птицей:

— И как же тогда вы встретили меня во сне? — спросил он, убирая руки в карманы пальто.

Незнакомка не дала ему прямого ответа, продолжая смотреть на реку с искренней, почти что любящей улыбкой. Она сказала:

— У меня много способностей, дитя.

ОПЯТЬ! Когда она перестанет так называть меня?! Волшебник был, конечно же, оскорблен таким неслыханным обращением к себе. Однако, помня о безумии дамы, он осторожно объяснил:

— Мадам. Возможно, у вас есть намерение как-то польстить мне, но это не сработает. Даже опустив фамильярность, ваши слова попросту не имеют смысла. Мне сорок восемь лет, я очень взрослый человек и хорошо знаю, когда кто-то хочет лести. Если вы не знаете подобного, то я осмелюсь облегчить вам задачу и сказать про себя, что меня не интересует лесть ни в каком виде. Я нахожу ее опасной и излишней.

Но мисс Уиллоу лишь ухмыльнулась и пожала своими худощавыми плечами:

— Как скажешь. Но я все равно старше тебя. На сегодняшний день мне шестьсот двадцать два года, — с гордостью заявила она и добавила на этот раз уже с вызовом: — *Дитя*.

А вот теперь руки мистера Паркера застыли. Он и сам замер, ошеломленный осознанием. Это было абсолютно невозможно, но именно это, кажется, и произошло.

— Так вы...? — изумился волшебник.

Мисс Уиллоу засмеялась.

— О, ты наконец-то догадался, вороненок. Я уж думала, ты никогда не догадаешься.

Боже-боже. Итак, дорогие читатели, нам нужно кое-что здесь прояснить. Разумеется, мистер Паркер, как и все люди его времени (и уж особенно жабы люди), знал о феях. Поэтому вы не должны думать, будто мистер Паркер не был осведомлен о существовании природных духов (в конце концов, он был сыном колдуна). Но все же следует признать, что он не был полностью *au fait*¹⁰ с ними. И, в частности, мистер Паркер не был *au fait* с природными духами Болот в том числе.

Ведь сам он никогда — НИКОГДА! — не сталкивался лицом к лицу с этими легендарными, одновременно опасными и очаровательными существами в реальности. И если мистер Паркер, будучи независимым человеком, не терпел к себе неподобающего обращения, то уж феи (и это был общеизвестный факт) могли жестоко наказать глупого смертного за невежливое обращение к ним!

Волшебник закрыл глаза и вздохнул. Когда он снова открыл их, выражение его лица немного смягчилось (хотя и оставалось несколько напряженным). Он вновь внимательно посмотрел на леди.

— Я должен извиниться, мадам, за мои манеры, — сказал он. — Я думал... лично я никогда не был удостоен встречи ни с кем... ни с кем из *вашего народа*, и поэтому я никогда не думал, что...

— Ох, — мисс Уиллоу перебила его. — Ну а теперь мы встретились. *Это сработало*.

— Сработало? Но что именно?! Если честно, я зашел на участок лорда Эксмюра, только чтобы подобрать письма, которые занесло сюда ветром, — признался волшебник. — Я понятия не имел, что это место зачаровано. И... и что здесь будете вы, мэм.

Слегка покраснев, он отвел взгляд.

¹⁰ Фр., здесь — быть хорошо информированным или знакомым с какой-либо темой.

И только теперь, за все время их беседы, уже сама мисс Уиллоу с любопытством посмотрела на темноволосого мужчину перед собой. Что ж, ее изначальные подозрения подтвердились: он действительно умел колдовать. Она чувствовала в нем эту силу с самого момента его появления у воды — силу, намеренно скрытую за хмурым лицом, траурной одеждой и протяжными гласными, типичными для речи болотников. Но даже после их разговора она не понимала, почему он так тщательно это скрывает.

Так почему же он это делал, взмолясь, спросите и вы, дорогие читатели?

Видите ли, проведя годы в ссоре с отцом и испытав на себе его проклятье, Чарльз Паркер прекрасно понимал, какие неприятности может принести любой магический потенциал. Он сторонился любых проявлений прикладной магии, полностью сосредоточившись на одном лишь собирании народных историй и выкопанных из-под порогов безделушек. На сухой теории, не подразумевающей настоящего вмешательства. Мистер Паркер принципиально не желал практиковать магию сам и также не желал он иметь дело с теми, кто мог бы направить магию против него — ибо свой горький опыт в таких вещах он получил, увы, из собственной семьи. Может быть, именно поэтому он и показался мисс Уиллоу слишком недоверчивым? Возможно. Однако оставался вопрос, почему же *она сама* чувствовала, что может ему доверять? Ведь он был человеком, а разве не все беды от них...?

Спрятав под полы зеленого плаща свои тонкие руки, словно они начали мерзнуть, теперь уже дама решила задавать вопросы:

— Так почему же ты тогда не ищешь свои письма, вороненок? Ты что, совсем о них забыл? Или, раз ты до сих пор стоишь тут и разговариваешь со мной, тебе что-то нужно от меня? *Твоему сорту* же всегда от нас что-то надо, разве нет? Вы выискиваете любые способы для этого!

Мистер Паркер покраснел еще сильнее (потерянные письма Рича теперь уже были последней вещью в мире, о которой он думал). Сейчас он на собственном опыте понял, как неловко было всем очевидцам, со слов которых он записывал рассказы о встречах с Сокрытым народом. И как же Сокрытому народу досаждали все попытки смертных людей (того самого «твоего сорта», как выразилась мисс Уиллоу) с ними связаться.

Однако Паркер, надеясь, что хорошие манеры его не подведут, решил использовать предоставившийся шанс, раз уж обычная, «людская» магия была для него закрыта. Раз уж ему выпала возможность воочию убедиться в магии Другого народа, то он заявит о своем намерении, как взрослый человек. Как взрослый волшебник, черт возьми! Голос мистера Паркера стал более хриплым, чем обычно, когда он заговорил:

— Не считите за дерзость, мадам, это не подразумевает ничего дурного, что можно подумать, исходя из того, как оно звучит (и вы должны сказать мне, мадам, если вы найдете мою просьбу оскорбительной). Я лишь предполагаю, что вам это будет не в тягость (и вы должны немедленно сообщить мне, если я не прав!), и так далее, и... о боже, простите вновь мою многословность! И по существу: мне было бы очень интересно узнать вас и ваш мир получше, мадам.

О! Ты все-таки это сказал! Волшебник был готов провалиться под землю от стыда, уверенный, что совершил какую-то очередную непростительную ошибку, нанес оскорбление леди из Другого народа и обязательно понесет за это заслуженное наказание... Однако мисс Уиллоу лишь беспечно улыбнулась, видимо, даже обрадованная такой простой просьбой:

— Так значит, ты всего лишь хочешь пойти ко мне, дитя?

Это могло прозвучать двусмысленно, не будь оно так однозначно.

Царство фей?! Она действительно пригласила тебя в свой дом в сокрытом мире?

— Да, мэм! — с плохо скрываемым энтузиазмом прошептал мистер Паркер. — Конечно! Я даже не мог себе представить, что когда-либо в жизни окажусь достоин подобной чести...

О, мистер Паркер! Что же вызвало такую быструю реакцию? Неужели он действительно думал, что его решение отправиться в страну фей было продиктовано одной лишь вежливостью и нежеланием так быстро отказаться от компании этой дамы? Возможно, он на это надеялся. В конце концов, он все еще был встревожен и напуган. Возможно, он действительно не хотел огорчить даму и показаться ей одним из тех людей, кто жаждал от фей материальных благ, и потому просьба Паркера была единственным способом избежать такого позора. Были ли какие-то другие причины, по которым мистер Паркер мог бы неожиданно пожелать сию же секунду отправиться в гости к незнакомой госпоже? И если да, то признался ли мистер Паркер себе в этих причинах? Ах. Боюсь, это знал только сам мистер Паркер.

Он был уверен, что согласование подобных вещей займет еще какое-то время (и рациональная часть его мыслей вновь стала прикидывать, сколько времени потребуется слугам лорда Эксмур, чтобы все-таки поймать его здесь, на месте преступления, а потом доставить к констеблю). Однако мисс Уиллоу, кажется, совсем не желала долгих обсуждений. Лишь получив его согласие, госпожа в зеленом плаще вдохнула и выдохнула.

— Хорошо, — сказала она в ответ. За этим последовал скрип шагов, направляющихся к реке.

А затем, отойдя на небольшое расстояние, она подняла руки и соединила их. При этом раздался резкий, но лишенный эха звук, будто кто-то в темноте щелкнул деревянными пальцами или хлопнул в деревянные ладоши. Туман стал еще гуще и все вокруг — река, дерево, редкие огоньки города вдали — стало менять очертания буквально на глазах.

Да-да, все вокруг вновь изменилось. На этот раз исчезла уже и ива, исчезло небо над головой, исчезла река (*и вообще была ли тут когда-либо река?..*). Картина перед глазами менялась каждую секунду, лишая возможности понять, где они находятся. Впоследствии мистер Паркер так и не смог вспомнить пейзажи, мимо которых они прошли, и не мог точно определить, сколько времени им понадобилось, чтобы достичь царства Сокрытого народа. И он не мог сказать направление; ему казалось, будто мир мисс Уиллоу находился где-то в ином измерении, неподвластном даже ученым или художникам, создающим карты и глобусы.

Но не успел волшебник вновь обо всем этом как следует подумать, как вдруг оказался на большом балконе огромного и безлюдного дворца. И это совершенно точно не был особняк лорда Эксмур. Нет! Это было место куда более просторное, но при этом и гораздо более странное.

Пол был покрыт черно-белым мрамором. Казалось, что весь второй этаж дворца имел выходы на этот длинный балкон, потому что мистер Паркер увидел множество дверей — все они были распахнуты настежь. Окна во всем доме также были широко открыты, а прозрачные шторы раздувались на ветру, словно паруса. Небо над головой было насыщенного сизого цвета, и волшебник не смог увидеть там ни луны, ни звезд. Он слышал, что где-то рядом бушует море, однако, насколько простирался горизонт вокруг, волн он тоже заметить не смог. За дворцовым садом, в этой бесконечной синеве, раскинулся лес.

Мисс Уиллоу указала длинным пальцем куда-то на деревья в углу сада:

— Смотри, вороненок. Вот мои детишки.

Присмотревшись, Паркер увидел, что там в разных положениях стояли уже около шести или семи больших арф, похожих на те, что он видел, когда только оказался на зачарованной территории. Красивые и высокие, выкрашенные в глубокий черный цвет и с более острыми углами, чем в человеческом мире, эти музыкальные инструменты всегда делались из древесины ивы — будь то в человеческом мире или же в мире Сокрытого народа.

— Арфы? — волшебник был поражен. — Но разве вы не боитесь держать их на сыром открытом воздухе, под дождем?

— Нет, не боюсь. Они мои любимцы и любят играть на улице. Ведь когда-то они тоже были людьми, похожими на тебя. Как жаль, что твой народ проживает свой век так быстро. А вот это... — тут мисс Уиллоу указала на угол в саду перед дворцом, где стоял небольшой колючий кустик, — это мой лучший друг, Шиповник.

Ой. Это действительно был шиповник. Но это был ЖИВОЙ шиповник. Он выглядел как низкорослый недовольный старичок с кустистыми бровями и густыми усами. Казалось, он дремал или даже спал стоя, так как сейчас он просто стоял на лужайке, сморщив лицо, сложив деревянные руки и нахмутив свои косматые брови.

Заснувший Шиповник выглядел так смешно, что мистер Паркер расхохотался:

— Боже... Извините, что я смеюсь, мэм, но он ведь просто очарователен!

Однако мисс Уиллоу ничуть не обиделась:

— Наша внешность может показаться тебе удивительной, я знаю. Но я надеюсь, что мой дворец тебе понравится.

Что-то подозрительное шевельнулось в мыслях волшебника. К дому светловолосой госпожи не вели ни тропинки, ни дороги. Ее компаньоны (такие, как арфы или Шиповник) явно не обрабатывали эти земли; других живых существ, домов или ферм тут вообще не было видно. Как жила мисс Уиллоу, волшебник не знал. Поэтому он спросил:

— Дворец? Так вы кто-то вроде маркизы или герцогини, или...

— Королева, — прямо сказала мисс Уиллоу.

Паркер нервно сглотнул:

— Королева?

Затем он, смутившись, отошел от открытых окон дворца на несколько шагов назад.

— Вы хотите сказать, — начал мистер Паркер, с трудом подбирая слова, — что вам по своей воле захотелось, чтобы здесь присутствовал такой человек, *как я*? — (о, какая удивительная мысль, что он, Чарльз Паркер, мог быть предполагаемым получателем приглашения от королевы!) — Но вы королева... чего? Какой страной или землей вы управляете, мадам?

После такого вопроса теперь уже она была в растерянности:

— Ох. А ведь среди смертных ты кажешься гораздо умнее, дитя. Что здесь непонятного? Я не управляю ни страной, ни землей. Я ивовая королева. И все на этом. А теперь, может быть, ты захочешь заглянуть внутрь дома?

Что ж. На этот раз волшебник больше не задавал вопросов, а лишь снял шляпу, когда они вошли в комнату, куда вел выход с балкона. Это помещение было чем-то вроде кабинета: там стоял письменный стол, стул и небольшой изогнутый бордовый диван. Еще там был стол для игры в карты и несколько стульев вокруг (мисс Уиллоу небрежно бросила на один из стульев свой длинный зеленый плащ). Этот кабинет и другие помещения, которые были видны с балкона, выходили на анфиладу на противоположной стороне. А в анфиладе все окна тоже были открыты нараспашку — таким образом, дворец почти полностью продувался сквозняками, хотя здесь вовсе не было холодно. Мистер Паркер привык к домам в Болотах, от которых вечно тянуло сыростью, как сильно ни топи камин, но здесь, несмотря на отчетливо чувствующуюся близость моря, не было ничего подобного.

Свечи тоже не были зажжены; большие и высокие открытые окна давали определенное количество света, хотя этот свет был серо-синий и совсем не теплый. Как вечные сумерки.

— Итак, — деловито спросила мисс Уиллоу, — джентльмен узнал меня лучше, как и хотел? Он доволен экскурсией по моим владениям?

— О да, мэм, — радостно закивал Паркер, совсем не заметив, что его лента в волосах давно развязалась и длинные темные пряди теперь разметались по плечам, придавая ему диковатый вид. — Я бесконечно благодарен за то, что вы привели меня сюда!

Тогда, повернувшись к волшебнику, мисс Уиллоу заявила, что несмотря на то, что она, как и ее сородичи, не любит показывать свой мир смертным людям, этот визит прошел на удивление хорошо, к их обоюдному удовлетворению.

Как чудесно! Как интересно! Прозрачные голубые глаза ивовой госпожи сверкали. Ее светлые волосы блестели. А потом...

— И как джентльмен планирует добираться домой? — спросила она (хоть и довольно неуверенным тоном).

Мистер Паркер застонал (жалкое зрелище):

— Нет! — запротестовал он, — зачем мне домой, я пока еще не хочу...

— Ты слишком долго здесь пробыл, вороненок, — ответила мисс Уиллоу, и ее улыбка стала сочувствующей. — Ты пока не можешь выдерживать это слишком долго. Разве не помнишь, чему тебя учили сказки твоего народа? За несколько мгновений здесь в твоём мире могут пройти десятки лет. Поэтому я должна вернуть тебя домой, Чарльз Паркер.

Интересная вещь. Она произнесла его «земное» имя без каких-либо помех, хотя умышленно не делала этого весь вечер. Но, казалось, что именно после этой самой фразы вся магия вдруг стала рушиться и таять, напоминая ему, что он всего лишь человек, как всегда, чужак на чужой территории...

— Как скажете, — сказал мистер Паркер. Он вздохнул и взял шляпу. — Благодарю за ваше приглашение, мадам. Всего вам хорошего.

Но, прежде чем волшебник успел сказать (или даже подумать) что-то еще, королева положила свои изящные бежевые ладони на рукава его тяжелого черного пальто, а затем сделала что-то магическое (возможно, что-то, что даже я не смогу вам описать, дорогие читатели) так, что моментально исчезли и кабинет, и дворец.

Внезапно мистер Паркер почувствовал себя древним деревом, искривленным и корявым. Деревом, что поколениями росло на болотах, сгибаемое резким ветром и ледяным дождем. Упрямое и решительное против смены времен года. Он гордился тем, насколько глубоко его корни впились в сырую землю, огибая острые камни. Как будто его корни впитывали тепло и восстанавливали каждый дюйм коры, пока все, чего ему сейчас хотелось, — это протянуть свои листья навстречу солнечному свету. Ему хотелось дотянуться до акварельного неба и вдохнуть яркий, чистый воздух долин...

— Полегче, дитя, — сказала мисс Уиллоу, словно успокаивая испуганных лошадей. — Полегче.

Стояла крошечная тьма — волшебнику не было видно ничего, кроме двух отблесков водянистых голубых глаз и тень на лице от мокрых светлых волос ивовой королевы. Тогда мистер Паркер улыбнулся, и это была длинная, кривая улыбка.

— Я прощаюсь с вами, мадам, — прошептал он, встречаясь с ее глазами в темноте, — но знайте, что я всегда приветствую вас в моем сердце.

А потом даже тьма исчезла.

Волшебник стоял в своей спальне в доме миссис Данн. Фактически, это была та же самая комната, в которой он проводил все свои обычные вечера. Тусклый свет исходил от камина и свечей, и с их помощью мистер Паркер смог определить, что он был один. Сердце его быстро билось в груди, хотя он и не знал почему.

Он вернулся в свою обычную реальность. Это было не царство Другого народа и даже не берег реки — это была комната, которую мистер Паркер очень хорошо знал. Там был комод, камин и его узкая кровать. Там были подсвечники, сундук, стул возле небольшого бюро в углу. Кувшин для умывания на тумбочке. На столешнице бюро лежали бумаги, перья, карандаши и еще чуть поодаль стоял бутылек с чернилами — все было так же неподвижно и привычно, как и должно было быть.

Чарльз Паркер прижал ладонь ко лбу и глубоко вздохнул. Затем еще раз осмотрелся. То, что он находился один в своей комнате, было легко понять (в конце концов, она была небольшой). Куда делась мисс Уиллоу, волшебник не знал.

Повеселился, старый дурак? Кто ж не слышал о том, как феи потешаются над смертными: дарят подарки, которые потом превращаются в увядшие листья? Разве ты не слышал, как феи заманивают к себе плясать без остановки, пока не рухнешь замертво? Ты не знал, что феям нельзя доверять, идиот? Феи только смеются над людьми и никогда не делают людям добра...

И тогда волшебник увидел кое-что на каминной полке. Он резко вздохнул.

Подойдя к камину, мистер Паркер недоверчиво нахмурился. Все было настолько неожиданно и настолько поразительно, что, не веря своим глазам, он решил взять находку в руки, чтобы на ощупь убедиться в ее реальности.

— Милый Господь на небесах! — выдохнул он.

Все письма Ричарда Сеймура лежали у него в руках в целости и сохранности.

Следующим утром, завтракая с миссис Данн и Джорджианой, мистер Паркер никак не мог прийти к какому-то выводу касательно того, что именно с ним произошло вчера. Хозяйка дома и ее племянница громко сожалели об отсутствии мистера Паркера за ужином (*«Вы пропустили, сэр, как мистер Арчер, торговец нотами с Бишоп-стрит, разучивал вместе с мировым судьей песенку про моряков и служанок... ах, тетушка! Почему вы пинаете меня под столом, если сами вчера пели ее? Про «не позволяй моряку ни дюйма выше колена»?*). Волшебник пробормотал невзрачные извинения и покорно позволил высоким регистрам женских восклицаний стать самым «мирским» фоном для его размышлений о таком не мирском явлении, как феи.

Итак. Что же он вообще знал об этом?

Как и все волшебники, мистер Паркер владел определенной информацией о феях и о том, что они приемлют только вежливое обращение. Он знал, что лучший способ навлечь на себя их гнев — относиться к ним как к прислуге, которая должна выполнять чужие просьбы. Именно на этом споткнулось бесчисленное количество колдунов, алчущих себе некое подобие духа-слуги, готового за просто так воплощать пожелания хозяина. Пожелания эти, как правило, были материального характера, но в случае с духом в виде красивой девушки (например, девы-лебедя) могли носить также и плотский характер.

Сам мистер Паркер не страдал подобной гордыней или жаждой повелевать волшебным существом, а для достижения материальных целей у него был Беллармин. Иные желания, которые он хотел бы осуществить — например, вернуть ему Элеанор — не могли бы исполнить ни люди, ни феи, ни, видимо, сам Господь Бог, забравший Элеанор к себе на небеса.

Но то были вопросы человеческого мира. А что мистеру Паркеру было известно именно о путешествиях в мир волшебных созданий? Вроде того, что произошло с ним вчера?

На востоке Англии самой известной историей была легенда XII века про зеленых детей из деревни Вулпит в Саффолке. Согласно источникам¹¹, в этой деревне однажды появились из

¹¹ Ralph of Coggeshall «Chronicon Anglicanum» 1206—1212; William of Newburgh, «Historia rerum Anglicarum», 1189.

ниоткуда двое детей, брат и сестра, с кожей абсолютно зеленого цвета. Язык, на котором дети общались между собой, не относился ни к одному из распространенных в то время диалектов.

Местные жители пытались накормить необычных детей, однако те наотрез отказывались от любой пищи, только если она не была зеленого цвета — и тогда жители Вулпита принесли гостям сырые зеленые бобы. Дети их съели.

Постепенно брат с сестрой смогли все-таки ассимилироваться в деревне и перейти на обычную пищу — примечательно, что вместе со сменой их рациона менялся в «нормальную» сторону и цвет их кожи. Вскоре от бывшей зелени не осталось и следа. Вторым шагом к принятию детей в обществе стало крещение, однако в то время как раз умер мальчик. Сестра же смогла впоследствии приспособиться к новой жизни, однако, согласно наблюдениям очевидцев, уже будучи взрослой, она славилась распушенностью и дерзостью. Также именно она, уже выучив английский, смогла поделиться с жителями Вулпита своими воспоминаниями о таинственном месте, откуда они с братом пришли — о месте, где никогда не светит солнце, а всегда продолжаются вечные сумерки.

Эта легенда имела много аллюзий на типичные представления о царстве фей в народе (сумеречный потусторонний мир, «аморальность» сестры), и ее пересказывали во многих городках и деревнях на востоке вот уже...

— Сэр! — отвлек мистера Паркера голос домовладелицы. — Вы не услышали меня! Ох, беда, должно быть, вы и впрямь заболели. Попали вчера под такой дождь и даже пропустили наш ужин, когда мировой судья...

Волшебник моргнул несколько раз, возвращая себя в реальность:

— Что? Нет-нет, большое спасибо, миссис Данн, я абсолютно здоров! Вы о чем-то меня спрашивали?

— Тетушка интересовалась, послать ли еще за кофе, — подсказала Джорджиана, а затем с лукавой улыбкой добавила: — Но, кажется, вы витали где-то в облаках.

— Прошу прощения, — тихо сказал Паркер, поднес ладонь ко рту и зевнул, глядя затуманенным взглядом. — Мне жаль, что я был таким ужасным собеседником! Наверное, просто не выспался.

— Так значит, еще кофе точно не помешает! — удовлетворенно кивнула миссис Данн и уже было обернулась, чтобы позвать служанку, как мистер Паркер вновь отказался:

— Нет! — он отложил в сторону салфетку и поднялся из-за стола. — Большое спасибо, но мне лучше поспешить на работу. Беллармин всегда варит крепкий кофе, так что, пожалуйста, не беспокойтесь на мой счет. Дамы, — с этими словами он кивнул и быстро покинул маленькую столовую.

Пока волшебник шел по улицам Н... его разум был столь же затуманен, как и с утра. Он то и дело наткался на прохожих, сбивчато бормотал извинения, пару раз перепутал направление, которым вот уже столько лет следовал каждое утро, а один раз даже и вовсе чуть не заговорил вслух сам с собой!

Безумная Джейн, на этот раз сидевшая на перевернутой корзине у начала Хай-стрит, проводила его долгим подозрительным взглядом, но воздержалась от каких бы то ни было попыток привлечь внимание волшебника или заговорить с ним — до того необычным было его состояние.

Открывать дверь в контору сегодня пришлось мистеру Паркеру самостоятельно, потому что он пришел раньше Беллармина. Заняв свое место в кабинете, он некоторое время и там тоже просидел в оцепенении, глядя куда-то в пустоту перед собой, пока наконец-то кое-что не вывело его из ступора, рассеяв весь фейский морок.

— Доброе утро, сэр, — произнес сдавленный голос откуда-то сверху.

Выйдя из глубокой задумчивости, мистер Паркер поднял глаза и увидел Беллармина... но в каком состоянии! Секретарь возвышался над ним с лицом, почти полностью изукрашенным синяками! Волосы его были в беспорядке, вырваны клочками, и даже на бороде виднелась запекшаяся кровь.

— Боже мой! — воскликнул хозяин, всплеснув руками, а по его лицу пробежала невольная гримаса отвращения: — Беллармин, твой вид!

Казалось, помощник был несколько озадачен таким приветствием. Только спустя пару секунд он вспомнил, насколько хозяин на самом деле был чувствительным к подобного рода вещам — например, однажды он едва не потерял сознание, когда на Хай-стрит какой-то пьянчуга угодил под копыта лошадей, а после по нему проехали колеса кареты. Однако сам Беллармин был куда крепче (ведь на войне он навидался вещей пострашнее), поэтому запоздало извинился:

— О... Простите! Я не хотел так сильно пугать вас, сэр! Правда, сегодня я могу пролить ваш кофе, поэтому прошу проявить ко мне немного снисходительности. Издержки самочувствия, видите ли, — бородатый мужчина развел руками с таким видом, будто раны на лице не доставляли ему никаких особых неудобств и были лишь временной неприятностью, не заслуживающей особого внимания.

Мистер Паркер почувствовал, как у него покраснели щеки.

— Конечно, — сказал он. — Никто не собирается от тебя ничего требовать в таком состоянии... Но я... я не ожидал увидеть тебя в таком виде, если честно. Что произошло? Ты ввязался в драку?

— В драку? — переспросил Беллармин, стараясь звучать как можно более непринужденно. Он прижал руку к щеке, где старые шрамы от шрапнели теперь были неразличимы за свежими кровоподтеками. — О нет, что вы, сэр, не было никаких драк. Кажется, я совсем забыл рассказать вам кое о чем, — секретарь убрал руку и покачал головой, а затем, снова взглянув на мистера Паркера, усмехнулся: — Полагаю, я вас немного напугал, раз появился здесь в таком виде. На самом деле это была не более чем тренировка. Я немного практиковался в боксерских поединках...

Только потом он заметил, как пальцы мистера Паркера на ощупь нашарили на столе перо и теперь сжали его так сильно, что оно едва не сломалось напополам. Начальник недовольно процедил:

— В *подпольных* боксерских поединках, я так понимаю?

Беллармин пожал плечами:

— Это всего лишь пустяк, говорю же. Всем наплевать, сэр, — с этими словами он направился к двери и, казалось, вовсе отбросил подальше все лишние мысли на эту тему.

Чарльз Паркер задумался, как бы выразиться так, чтобы его ответ оставался вежливым.

— Я был бы обеспокоен, Беллармин, — признался он, — если бы выяснилось, что я плачу тебе настолько мало, что это вынуждает тебя искать заработок на стороне...

Но помощник лишь замахал руками:

— О, нет-нет, сэр! Не стоит беспокоиться, деньги тут ни при чем. Это пустяк, как я и сказал... это *мои* дела.

Поняв, что большего из него не вытянешь (Беллармин мог быть настолько скрытным и упрямым, когда того хотел, что разговорить его в такие моменты было практически невозможно), мистер Паркер сдался:

— Хорошо. Я не буду докучать тебе расспросами.

— Хорошо то, сэр, что у нас не бывает посетителей. По крайней мере я больше никого не напугаю так, как вас, — с ухмылкой пробормотал Беллармин и удалился к себе в кабинет.

И в этот момент уже сам мистер Паркер рассмеялся. Но почему же? Это неожиданное замечание развеселило и обрадовало его, хотя должно было, наоборот, расстроить, разве нет?

Видите ли, дело было в том, что мистер Паркер настолько НЕ желал по-настоящему иметь дело с практикующими магию людьми, что они с Беллармином в молчаливом взаимопонимании всеми силами укрепляли «суверенитет» их конторы, покуда не осталось лишь рва и крепостных стен, чтобы уж никто к ним не смел подобраться. Мистер Паркер крайне неохотно проводил консультации, предпочитая заниматься лишь записями да редкими переписками с антикварами, поэтому мысль о том, что кто-то зайдет в их офис, была и впрямь смехотворной. И поэтому «Общество антикваров и исследователей древностей Болотного края» хоть и намечало на множественное число участников, тем не менее, практически не оставляло никакой надежды в это самое число попасть.

И, помимо естественной склонности хозяина «Общества антикваров» к уединению и его своенравности, была и другая причина отказывать в частных консультациях. Специфика самой платы за что-то, связанное с магией, была в Болотах крайне неоднозначной. И знания о магии, и сама магия требовала секретности и отказа от фиксированной стоимости услуг (о, как это непохоже на нашу с вами современность, дорогие читатели!). Если бы вы спросили знахаря, откуда у него целительная сила, он ответил бы, что она передалась ему от кого-то другого — обычно от очень старого или покойного жабьего человека. Сила принадлежала знахарю до тех пор, пока он хранил ее в секрете. Если он расскажет о ней кому-либо, сила автоматически перейдет от него к другому человеку. Если же он принимает фиксированную плату за свой дар и услуги, он также рискует потерять их. Хитрые люди не афишировали свое мастерство, предпочитая, чтобы к ним обращались по рекомендациям. И, хотя мистер Паркер и его помощник не оказывали никаких услуг прикладной магии, тем не менее, выросший на постулатах отца-колдуна волшебник частично перенес этот негласный кодекс хитрых людей и в свою исследовательскую офисную работу тоже.

Конечно, все это, увы, напрямую отражалась на их финансах. Продавать артефакты, найденные в Болотном крае, в частные коллекции Чарльз Паркер не желал так же упрямо, и потому львиную долю дохода компании составляли в основном редкие лекции волшебника в тавернах, где иногда собирались ученые джентльмены (что само по себе было нечастым явлением для такой провинции, как Болотный край), или вовсе в приходских школах, куда его время от времени звали рассказать что-нибудь эдакое про захоронения древних саксов в местных курганах. И то, мистера Паркера приглашали не столько за его собственные заслуги, сколько опять же, памятуя о славе его отца (*«О курганах саксов больше всех знает сын покойного мудрого человека из Инсвича... да-да, мистер Зима, тот человек в черном, вы его видели... вот пусть он и расскажет»*). Но вырученные за лекции деньги могли покрыть расходы только самого мистера Паркера. На все остальное — аренду офиса, выплаты Беллармину, расходы на их поездки в соседние деревни и прочее — волшебник брал деньги из своего личного содержания.

Таким образом, два единственных работника «Общества антикваров и исследователей древностей Болотного края», по инициативе начальника, балансировали на тонкой грани между тем, чтобы *показывать, что они являются авторитетными специалистами своего дела* и чтобы при этом продолжать по мере возможностей *отказывать всем в частных аудиенциях*. Поэтому внешний вид Беллармина сегодня не должен был стать для кого-либо проблемой.

День полз медленно. Перерисовав в толстую тетрадь обережные метки на дымоходах, волшебник принялся переписывать данные о подвязках из кожи угрей. Такие вещи носили хитрые люди, ведь угрей в местных водоемах всегда водилось в избытке. «Йоркская подвязка», к примеру, изготовленная из кожи угря, использовалась в качестве профилактического и лечебного средства от ревматизма. А непосредственно колдовские пояса заготавливались с весны. Кожу угря сушили на солнце, пока не затвердеет, затем смазывали маслом, разминали, набивали растениями и закапывали в землю до начала осени. После этого артефакт нужно было

вновь размять, вытащить травы и носить уже как магическую подвязку чуть выше колена. Женщины носили их, завязав узлом справа, а мужчины — слева...

Закончив и эти записи, мистер Паркер, все так же пребывая в мечтательной апатии, уже точно понял, что работать дальше у него не хватит ни концентрации, ни усидчивости. Он захлопнул тетрадь, полную записей о подвязках из кожи угрей, и, глубоко вздохнув, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

Ему захотелось непременно пойти *куда-то* и сделать *что-то*. Но что и куда — он не знал, но при этом томился и от одиночества, и от — о, небо! — одновременного с этим нежелания видеть никого из обычного земного мира. Наконец, еле дотянув до обеда, волшебник окликнул секретаря:

— Беллармин!

Тот появился в дверях, держа в руке сегодняшний выпуск *Fens Garland*, «Болотной гирлянды» — газеты, выходившей пару раз в неделю и моментально приковывающей к себе внимание жителей всех местных городов и деревень. У этой региональной газеты была непростая судьба — несколько раз в прошлом столетии редакция оказывалась на грани банкротства и закрытия, а когда в ней сменилось руководство и дела пошли в гору, «Болотную гирлянду» одолела стихия. После особо сильного наводнения жители Болот не получали новых выпусков почти месяц — ведь типография, где печатались тиражи газеты, едва не ушла под воду у Большого озера! Но, несмотря на все злоключения, «Гирлянда» долгие годы оставалась излюбленным чтивом местных жителей, их главным источником что новостей, что рекламы, что напечатанных чужих мнений, которым они могли (и хотели бы) доверять.

Сложив газетный листочек вдвое, Беллармин широко зевнул:

— Сэр?

— Я думаю отпустить тебя домой. Тебе лучше отдохнуть и набраться сил. Нет-нет, даже не спорь со мной! — Паркер предостерегающе поднял руку. — Работы немного, я справлюсь один. Но у меня есть просьба, пока ты здесь. Купи, пожалуйста, цветы.

Волшебник помнил (*Боже! Ты до сих пор это помнишь!*), какие букеты любили дамы. Элеанор нравились изящные цветы, например, светлые кустовые розы, еще не распустившиеся. Другие женщины, на которых он заглядывался еще совсем молодым, предпочитали бледные гиацинты или нежные гортензии. Но всех их объединяло одно — цветы должны были быть светлыми и неяркими, наводить на мысли о чем-то возвышенном, даже сентиментальном. Никаких кричащих оттенков, ничего вульгарного. И мистер Паркер расхрабрился настолько, что был теперь почему-то глубоко уверен (действительно, почему же?), что даже королева из царства фэй разделяет такие же вкусы.

Однако эта просьба прозвучала в кабинете столь неожиданно, что даже заплывшие глаза Беллармина моментально расширились:

— *ЦВЕТЫ*, сэр?

— Да, слева у колонки на площади, там продают хорошие букеты, — Паркер выдвинул ящик стола и достал оттуда несколько монет, затем отсчитал их и протянул Беллармину. — Купи мне что покрасивее, но только светлых оттенков. Мне надо кое-кого поблагодарить.

Секретарь молча взял монеты и направился было к выходу, но в итоге (как и вчера с письмами) вновь не выдержал.

— Сэр, могу ли я поинтересоваться... — начал он, однако мистер Паркер не дал ему закончить:

— Нет, не можешь, Беллармин, — отрезал он и, демонстративно раскрыв книгу, опустил взгляд на страницы. — Большое спасибо.

Глава 3

Кристофер Беллармин потерял родного брата в битве при Ватерлоо пять лет назад.

Еще за несколько лет до этого, в 1811, они с Уильямом видели в небе комету, а это было дурное предзнаменование. Брат тогда и сказал: «По нашу с тобой душу, Кристофер, по мою и твою». Зимы в те годы стояли на редкость суровые, из-за континентальной блокады не хватало даже еды, десятки тысяч людей просились в работные дома из-за нехватки хлеба. Но после провала русской кампании Наполеона появилась надежда, что самые тяжелые времена позади, и вскоре все станет хоть чуточку легче.

Однако вскоре наступил 1815, и проклятый француз вернулся. Беллармин с братом записались в армию. Сказать по правде, тогда Беллармин еще не так сильно верил в сверхъестественное, и уж точно он не верил рассказам о том, что, дескать, люди способны почувствовать и узнать, когда их близкий ранен или умирает. Беллармин не знал. Беллармин понятия не имел. Он пережил битву, это кровавое месиво, а затем вернулся в лагерь, покуда раненые, которых нужно было зашивать и лечить, все прибывали и прибывали... Кто-то передал ему записку от командира Уильяма. Беллармин смеялся, когда открывал ее — верный знак, что брат жив.

Что ж, его брат и впрямь какое-то время оставался в живых. Беллармин помнил, каким медленным и вязким стало время, когда он вошел в другую палатку. «Какая-то французская сволочь ранила его саблей, — услышал он голос командира, подходя к истекающему кровью Уильяму, — проткнула его насквозь, да так и оставила захлебываться грязью и кровью. Чертов француз не подарил ему смерть. Он не проявил такой вежливости».

Беллармин велел перенести брата в полевой госпиталь и делал, что мог, но в рану уже попала инфекция, и Уильям умирал у него на глазах три дня, ворочаясь в бреду и задыхаясь. «Если бы я был мужчиной, — признался как-то спустя годы Беллармин своему начальнику, — я бы перерезал ему горло или напоил опиумом, но я не мог. Я не мог этого сделать».

Конечно, Беллармину повезло хотя бы в том, что он не разделил судьбу многих других ветеранов, которых сейчас можно было увидеть в любом городе Англии: безработных, искалеченных, слепых или лишенных конечностей, ковыляющих на костылях и попрошайничающих на улицах. Однако чувство вины, которое поселилось в нем из-за того, что он не смог уберечь брата, терзало не меньше, чем шрамы, частично спрятанные под окладистой бородой.

И, чтобы хоть как-то избавиться от этого чувства вины, Кристофер Беллармин направил все свои силы в заботу о благополучии конторы одного волшебника, наотрез отказавшегося от волшебства.

Он заметил Чарльза Паркера осенью 1815 года, когда правительство перестало облагать налогом доходы богатых, как только война с Наполеоном закончилась. Но при этом правительство также заявило, что Англия более не может позволить себе содержать мужчин, пострадавших на службе отечеству. Вчерашние солдаты оказались никому не нужны, а Беллармин остался единственным кормильцем для своей престарелой родни и незамужних сестер, живших в деревне недалеко отсюда.

Беллармин, несмотря на свою устрашающую и могучую внешность, тем не менее, имел и свои собственные страхи. Он боялся, что господь никогда не простит его за Уильяма. Боялся, что его попытки заработать денег не самыми легальными способами в итоге будут раскрыты и он потеряет все, что заработал. Он боялся, что слишком злоупотребляет джином после возвращения с войны. Боялся, что на континенте подхватил сифилис. Но сильнее всего Беллармин боялся, что его умения и навыки могут оказаться невостребованными. И потому более всего он стремился решить вопрос своего трудоустройства.

Он знал, что его способность копаться в земле и находить зачарованные бутылки может заинтересовать *«мистера Зиму, того мрачного человека, ублюдка жены викария от колдуна, как вам история?»*. Чарльз Паркер, одинокий и вдовый, в своих траурных драпировках, с длинными и прямыми темными волосами, собранными позади черной лентой, тогда еще имел сильную склонность засиживаться за игорными столами и напиваться до беспамятства, чтобы хотя бы ненадолго отвлечься от того, что его колдующий старик устроил с его (на самом деле) счастливым браком.

Это было именно то, что их с мистером Паркером связывало — чувство потери. Беллармин тоже пережил тяжелую утрату, а потому понимал угрюмое молчание начальника, старался не лезть к нему в душу, ибо сам не терпел, когда так поступали с ним.

Но Беллармин не только жаждал поддержать мистера Паркера, потому что сам потерял брата. Нет, Беллармин еще и *жаждал сделать его кем-то вроде своего брата!* — конечно же, незаметно для самого волшебника. Он лишь знал, что должен всегда заботиться о хозяине конторы, не давать ему сорваться и погрязнуть в меланхолии, отгонять от него сумасшедших вроде Джейн Вудс и не позволять людям вокруг упоминать Старую Зиму. Беллармин твердо вознамерился *в этот раз сделать все лучше*.

Но к чему Кристофер Беллармин оказался совсем не готов, так это к тому, что когда-нибудь его любимый волшебник решит все-таки отряхнуться от скорби и посмеет желать себе нового счастья. Нет-нет! Ни в коем случае! Этого никак нельзя было допустить. Ведь подобное могло вновь привести к трагедии, а значит, нужно было защищать бедного мистера Паркера и от таких желаний тоже!

Для Беллармина было странно наблюдать, как начальник сначала послал его за цветами, а потом еще несколько дней смотрел на эти самые цветы, словно недоумевая, как ему с ними следует поступить. В конечном итоге они завяли, и мистер Паркер вновь отправил Беллармина к местной цветочнице, велел купить новый букет, опять с четким указанием, что цветы должны быть непременно белого цвета. Что все это значило, Беллармин не мог взять в толк (мистер Паркер, как уже говорилось, не был замечен в компании ни одной дамы — Безумная Джейн не в счет! — много лет после смерти своей жены).

Однако секретарь тем не менее послушно выполнил второе подобное поручение, и вот в середине дня в конторе не осталось ни букета, ни самого начальника.

А что же сам мистер Паркер, дорогие читатели? Да, ему действительно нужно было все эти дни заниматься записями по работе и пытаться изо всех сил сосредоточиться на этом занятии, однако все его мысли были только о берегу реки на участке лорда Эксмур.

Прошла почти неделя, а мистер Паркер так и не рискнул вновь прийти к зачарованному дереву. Он знал, что с его стороны было грубо не общаться с мисс Уиллоу, после всей ее проявленной доброты (волшебник знал, что мисс Уиллоу заслуживала объяснений, по крайней мере, за его молчание), но он не смел даже куда-либо ходить по городу, кроме дома и своего офиса.

И это было не из-за того, что мистер Паркер забыл о своем новом знакомстве, и уж точно не из-за активной его неприязни этого самого знакомства. Нет, конечно!; за все время, что он провел в разлуке с ивовой госпожой, мистер Паркер обнаружил, что она ему все еще очень нравится.

И, возможно, именно в этом и была проблема. Мистер Паркер восхищался мисс Уиллоу как волшебным созданием; у них было некое сходство темпераментов, которое сделало их встречу такой приятной и легкой (чего мистер Паркер мог редко испытать рядом со смертными людьми). Но волшебник боялся, что ему также нравилась мисс Уиллоу как нечто иное, чем волшебное создание. Мистер Паркер отправился в царство фей в поисках знаний и опыта общения с Сокрытым народом, чтобы удовлетворить свое любопытство. И, хотя он вернулся

оттуда неудовлетворенным (и оставался неудовлетворенным с тех пор по сей день), он действительно получил там такой опыт общения, которого мог бы желать вновь очень сильно.

Разве мистер Паркер не надеялся всегда (в глубине души) найти себе человека, чье общество было бы столь же приятным, сколь и комфортным? Разве он не хотел найти **родственную душу**? Кого-то похожего по уму и интересам? Разве он не жаждал такой дружбы, в которой бы приветствовалось даже недозволенное желание мистера Паркера заглянуть за завесу других, сказочных миров и покинуть таким образом мир человеческий, полный боли и страданий? И вот, все это могла предоставить ему ивовая госпожа!

О, ведь каждая деталь в мире мисс Уиллоу была захватывающей и притягательной, и мистер Паркер хотел узнать это все как следует: он хотел больше видеть ее, чаще бывать в ее дворце и хотел сделать еще много других вещей.

Однако мистер Паркер прекрасно знал, что подобные чувства не следует испытывать к, пусть и очень понимающей, но фее. Он слишком хорошо помнил народные легенды, чтобы пренебрегать их наставлениями.

Таким образом, в своей нерешительности (а еще в тоске и замешательстве) мистер Паркер не стремился вновь пойти поговорить с ивовой госпожой. Хотя он постоянно хотел это сделать, каждый день он останавливался: «Я объясню все мисс Уиллоу. Я объясню. Но мне бы хотелось иметь еще один день, чтобы обдумать, какой ответ дать; еще один день ожидания не повредит».

Как вы, несомненно, знаете, длительное состояние нерешительности очень некомфортно для разума, и поэтому мистер Паркер решил занять его чем-то другим, погрузившись в магические исследования. Втайне от Беллармина он навестил одного оборванного мага на Кроу-стрит и за небольшую плату многое узнал от него об устройстве мира фей и о том, какие еще были правила и табу в общении с Другим народом.

Волшебник также думал было обратиться к «измерителям поясов», *girdle-measurers*. Так называли хитрых людей, которые могли определить, околдован ли человек феями или нет, путем буквального измерения пояса больного от локтя до большого пальца и чтения молитв и Символа веры при этом. Однако мистер Паркер не знал в округе ни одного из таких колдунов, а лишь слышал о них от других, и казалось, что измерители поясов исчезли еще в прошлом столетии. Затем он напомнил себе, что решил воздерживаться от активного участия в любой магической практике, и остался со своим состоянием наедине, не разыскивая ответов у тех, кто мог бы ему их подсказать.

Единственным утешением для него было ночное время — казалось, как только луна восходила над болотами особенно высоко, и волшебник проваливался в царство сновидений, ему становилось в разы спокойнее и легче. Но каковы были его сны? Разве он не беспокоился о своем самочувствии, не злился на отца и не тосковал по Элеанор? Нет. По крайней мере, не во снах. Иногда во снах Чарльз Паркер гулял по черным топям или возделанным полям, иногда по провинциальным селам или фабричным городам других регионов страны. Но нигде он не встречал ни одной живой души. Города казались поселениями-призраками, будучи совсем безлюдными, однако там не было ощущения смерти, только ощущение сна: как будто бы все жители города одновременно легли в свои постели и оставили улицы пустыми.

Но кто-то другой всегда шел рядом с мистером Паркером, следуя его темпу, позволяя волшебнику выбирать направление. Вся эта земля была ее владением, и у нее было больше способов ее исследовать, чем у смертного человека. Но она не говорила ни слова и не поучала, а просто всегда шла рядом с мистером Паркером, пока тот познавал сновиденческий мир. В бодрствующем же мире размышления о том, что его леди хотела бы, чтобы он увидел или узнал, расстраивали волшебника, ведь ее не было рядом и он не мог спросить напрямую. Во сне же присутствие было естественным и непринужденным, и мистеру Паркеру предстояло пройти как можно дальше вместе со своей дамой.

Тростник на илистом берегу Большого озера рассказал ему, что ни один человек еще никогда не ходил таким длинным и извилистым путем и не видел таких сказочных вещей, кроме разве что одного безымянного пастуха за год до Славной Революции. Тогда мистер Паркер потянулся к тонкой, слегка шершавой и влажной руке своей спутницы, чтобы привлечь ее внимание к тростнику, и та улыбнулась. Светловолосая госпожа в зеленом плаще сжала руку мистера Паркера и держала ее, пока они все шли и шли по Англии.

Сколько раз в те дни после пробуждения мистер Паркер, по-прежнему охваченный этим неведомым томлением, замечал необычное растение, странный птичий крик или то, что свет определенным образом падал на дорогу; сколько раз мистер Паркер видел все эти вещи и думал: «Интересно, что сказала бы об этом мисс Уиллоу?»

Он ненавидел реку. После того, как в августе 1802 года, спустя три года после их с Элеанор долгожданной свадьбы, его разбудили вопли слуг в бывшем доме викария в Ипсвиче, он старался держаться от реки как можно дальше. *Быстрый поток на бесцветной болотной равнине, из холодной воды вытаскивают тело...* Паркер содрогнулся. *Скорей сюда! Мистер Зима, там ваша супруга! Сэр, ох горе-то какое, мистер Зима, примите наши соболезнования...* Он сделал все, что мог. Переехал из родного города в Н... Отказался от магии. Отказался от всего. В Болотах избежать воды было нельзя — но, по крайней мере, не ходить к реке намеренно ему до этого удавалось.

Однако сегодня мистер Паркер, как и за неделю до этого, вновь покинул город через Речные ворота и теперь бодро шел вдоль реки к водяной мельнице лорда Эксмур, да еще и с букетом белых лилий в руке, подумать только! Пологий холм, на котором стоял графский особняк, как уже говорилось, был единственной возвышенностью в этих краях. Все же остальное было плоским и подтопленным, до самого горизонта. Подгоняемый неизвестной природы томительным ожиданием, волшебник с радостью предвкушал второй, уже осмысленный свой визит к зачарованному дереву, и, казалось, ничего не могло удержать его в городе. Паркер слышал, как земля чавкает под его подошвами, как мелкие капли то и дело просачиваются в туфли через шерстяные чулки, но не обращал на эти неудобства никакого внимания. Хотя, возможно и стоило бы: ведь погода стояла по-прежнему ненастная, дождь лил, не переставая, а видимость была изрядно затруднена из-за привычного тумана вокруг болот.

Приблизившись к уже знакомому забору, волшебник огляделся по сторонам, вновь опасаясь слуг графа. Все же оказаться тут в светлое время суток было делом куда более рискованным! Но участок, как и в прошлый раз, был пуст, ветряная мельница лениво крутила свои лопасти, и мистер Паркер так же, как и в прошлый раз, быстро перелез через забор в надежде встретить у старого дерева госпожу из волшебного царства.

Что ж, дорогие читатели, так оно и случилось — как только мужчина в тяжелом пальто подошел к корням ивы, кто-то спрыгнул вниз с ветки дерева. Перед глазами мелькнули высокие сапоги и зеленый плащ.

Волшебник отшатнулся назад, тихо ахнув, и рефлексивно ссутулился, пытаясь скрыть от взгляда мисс Уиллоу свой мокрый, растрепанный вид. Он почувствовал, как по спине пробежала волна уязвимости и нервозности, и ему показалось, что, когда он в почтительном жесте снял шляпу, то действительно выглядел довольно глупо с вымокшими и оттого почти черными волосами, с которых капала дождевая вода.

— Мадам, — он слегка поклонился, чтобы поприветствовать ее голосом, который был немного громче, чем следовало. — Вы снова меня напугали, появившись так неожиданно. Боюсь, я никогда к этому не привыкну! Как вы сегодня?

— *Fair to Middlin*¹², — пожав плечами, ответила мисс Уиллоу, нарочито растягивая гласные. Ее глаза внимательно оценивали реакцию собеседника, словно пытаясь понять, правильный ли она выбрала ответ или нет.

Волшебник изумленно моргнул. Уж чего он совсем не ожидал, так это услышать свой региональный диалект от волшебного существа!

— Боже милостивый, мэм, да вы сегодня настоящая жительница Болот! — мистер Паркер, впечатленный до глубины души, расплылся в улыбке. — И как вам наша погода?

Голубоокая дама в зеленом плаще тоже улыбнулась:

— Это *lazy ol'wind*¹³, вороненок. Поскольку я могу говорить на всех языках и диалектах смертных, я попыталась быть похожей на тех, к кому ты привык, раз уж могу и внешне выглядеть не деревом, а женщиной.

Внезапно мистер Паркер покраснел так, как не должен краснеть ни один мужчина его возраста. *О, трогательная доброта!* Узнав, что мисс Уиллоу намеренно заговорила с ним на его восточном, «болотном» жаргоне, да еще с такими долгими гласными (ни один приезжий никогда не смог бы так скопировать этот акцент!), волшебник был очень тронут таким вниманием.

Но, помимо языка, было кое-что, что тоже привлекло его внимание.

— Так, значит, когда на вас нет чар, вы — это...

— Да, оно самое, — мисс Уиллоу указала длинным пальцем на старую иву, стоящую перед ветряной мельницей.

Мистер Паркер озадаченно перевел взгляд с дамы на дерево и обратно:

— Но как... как же тогда я выгляжу со стороны, когда мы с вами здесь?

Это было действительно слегка тревожно (и очень в стиле фей, без сомнения). Однако ивовая госпожа лишь пожала плечами, словно это было самое обычное явление:

— Как человек, молча прогуливающийся под старым ивовым деревом. Ничего особенного, не так ли?

— Прямо как поэты-романтики, — усмехнулся волшебник.

— Конечно. Но многие так делают. Лорд Эксмур, например. Забавный чудак, мне он нравится. Он часто спускается сюда. Разумеется, он не видит меня так, как ты, и не может со мной разговаривать, но он бывает у дерева тоже часто.

— Его светлость тоскует по своей покойной невесте, — объяснил Паркер.

— И не только, ведь здесь бывают еще всякие разные... — начала было мисс Уиллоу, отведя взгляд и уставившись куда-то вдаль, но закончить предложение ей не удалось. Ведь волшебник, только сейчас вспомнив про букет белых лилий, по-прежнему находившийся в его руке, вдруг спохватился:

— Боже, ну и где мои манеры? Простите, мэм! Я совсем забыл, для чего сюда пришел. Это для вас. В знак моей признательности и благодарности за помощь с письмами. В знак... как выразить... чтобы выразить мою... *вот*.

Поняв, что красноречие окончательно его покинуло, он просто протянул лилии даме в зеленом плаще.

Мисс Уиллоу вытащила одну лилию из букета, положив остальные на нижнюю ветку старой ивы. А затем она заправила себе в волосы этот цветок, который, как оказалось, просто замечательно сочетался с ее бледным лицом и короткими светлыми прядями. Мистер Паркер вновь украдкой взглянул на ивовую госпожу, почти не в состоянии оторвать глаз от нее. Несмотря на легкомысленные реплики и ни к чему не обязывающую беседу, волшебник с некоторым бес-

¹² Пример регионального диалекта Болот (Fens), обозначающий «ну так себе», «потихоньку», «нормально» (pretty good).

¹³ В диалекте Болот так называли очень холодный восточный ветер, который «слишком ленив, чтобы тебя обойти, поэтому дует прямо сквозь тебя».

покойством начал полагать, что, возможно, сам его повторный визит сюда оказался слишком явным подтверждением самых серьезных мотивов.

— Теперь тоже Виола? — вспомнив о сравнении с шекспировской героиней в их первую встречу, мисс Уиллоу с улыбкой указала на цветок в своих волосах.

— Нет, — ответил Паркер и почувствовал, как внутри него поднимается что-то тяжелое и горькое из-за этого сравнения: — Теперь Офелия.

— А это плохо или хорошо?

Их взгляды встретились.

Луна и вода, вспомнил Паркер про ивы. *Калпепер*¹⁴ писал в своем травнике «Луна владеет ими» про ивы. Сам мистер Паркер слишком много лет провел, избегая любых упоминаний обо всем, что имело склонность тянуться к воде или, не дай бог, в воде утонуть.

Но именно это он и видел в глазах мисс Уиллоу. Луну и воду. Он смотрел в холодные лазоревые глаза волшебного создания и чувствовал, как чужая, не этого мира холодная вода вытягивала все тепло из его черепа и шеи, и холод начинал расплзаться по остальному телу, распространяясь по венам, в живот и дальше к конечностям. Волшебник ахнул, когда водянистый холод окутал его сердце, подкрался к горлу и затем распространился по всему лицу, пробираясь ледяными прикосновениями к коже головы и так до самой макушки. Он почувствовал ошеломляющую холодность по всему телу и, опасаясь, что все жизненное тепло вот-вот вытечет из его вен, быстро отвел глаза и посмотрел на камышовый берег, задыхаясь и испытывая покалывание во всем теле.

Но, к своему восторгу (и немалому удивлению), Чарльз Паркер теперь чувствовал себя комфортнее, чем все долгие годы до этого момента. Что же вызвало это облегчение? Что ему поспособствовало? Как и многие вещи, сопровождавшие особую магию фей, мистер Паркер совершенно не мог осмыслить происходящее человеческой логикой.

Тем временем тишина неловко затянулась. Неловко для волшебника, потому что, несмотря на то, что встреча взглядом с мисс Уиллоу до сих пор немного кружила ему голову, сама волшебная дама казалась такой же спокойной и собранной, как и обычно.

— Я не Офелия, вороненок, — наконец сказала она после еще нескольких секунд молчания, сопровождавших громкий стук сердца Паркера в его ушах. — Тебе нечего бояться.

О, какой благословенный момент. Отныне тяжелые дни прошли! Ведь теперь мистер Паркер владел настоящим волшебным даром: кое-чем настолько драгоценным, прекрасным, и в то же время сказанным ему загодя — ивовая королева не имела ничего общего с утопленниками! Насколько же жить в сказке, с феей, в царстве сказочных существ, было легче и добрее, нежели чем в человеческом злом мире!.. Мистер Паркер с облегчением вздохнул:

— Я рад этому, мэм! И я рад, что, возможно, жить в вашем мире куда лучше, чем в нашем, раз волшебные создания не испытывают искушения остановить свою жизнь. Я мало нашел сведений о ваших краях, но мне спокойно на душе, зная, что вы живете в комфортном дворце, с теми чудесными черными арфами и кустистым Шиповником. Я правда рад, что вам там всегда есть с кем побеседовать, что у вас есть родственные души и близкие друзья.

Он говорил искренне. Не имея ничего подобного сам, волшебник не мог не порадоваться, что кто-то столь достойный и прекрасный, как ивовая госпожа, обладал подобными благами.

— Да, это так, — подтвердила мисс Уиллоу с очередной легкой улыбкой. — Арфы, увы, более не способны разговаривать словами даже в моем мире — ведь в них живут души тех, кто уже отправился на небеса... Но зато Шиповник бывает довольно приятным компаньоном. У него так много забавных историй и непристойных лимериков, которыми он меня развлекает, поэтому нельзя отрицать, что он интересный собеседник.

¹⁴ Николас Калпепер (1616—1654) — английский фармацевт, ботаник и врач, автор знаменитого травника.

— Значит, вы с ним... друзья? — вдруг с нажимом уточнил мистер Паркер, почувствовав странную вспышку зависти к (*боже!*) кусту шиповника, старому и густо заросшему, который мог уделять мисс Уиллоу столько времени, стоять так близко к ней каждый день, в то время как сам Паркер был всего лишь второсортным антикваром в Болотах, провинциальным сквайром, давно лишенным друзей и мало-мальски желанной компании.

Но мистер Паркер, несмотря на атмосферу печали и тоски, неизменно его сопровождавшую, тем не менее, никогда не считал себя человеком, склонным к зависти или ревности, и поэтому эти чувства оказались для него одновременно непонятными и тревожными.

— Да, я полагаю, он мой друг, — ответила мисс Уиллоу, и, возможно, она что-то почувствовала в тоне волшебника, потому что, взглянув на него, добавила: — Но у кого-то может быть больше одного друга, не так ли?

Мистер Паркер ощутил, как на контрасте с прежним холодом, теперь его тело залило жаром от груди до макушки.

— Полагаю, что так, — слабо ответил он. — Мне очень повезло познакомиться с вами, мадам. И я рад, что вы благосклонно приняли мой скромный подарок, — сказал он, слегка встряхнувшись. Затем он вновь поклонился: — Прошу меня простить, но теперь мне нужно вернуться в город. Оставаться на земле его светлости слишком долго нельзя.

И вновь их взгляды встретились. Сейчас мисс Уиллоу смотрела на волшебника с нечитаемым выражением лица. А тот в ответ смотрел в прозрачные фейские глаза и гадал, что они думают о его внешности, его облике и о всей его жалкой жизни.

Наконец, бледные губы мисс Уиллоу приоткрылись, и на мгновение мистер Паркер почувствовал уверенность, что ивовая госпожа собирается попросить его остаться или упомянуть о том, что они больше не смогут разговаривать друг с другом, и выразит сожаление по поводу того, что сейчас они расстанутся. Но она лишь вздохнула и сказала:

— Береги себя, вороненок.

Разве не странно, что их вторая встреча оказалась такой скоропалительной и короткой? Благословите меня, нет; это было совсем не странно! Видите ли, помимо того, что это и впрямь была запретная для свободного посещения земля, но еще в тот день было так холодно и дождливо, что никто (особенно мистер Паркер, будучи всего лишь смертным человеком) не хотел оставаться там дольше, чем нужно.

И, еще раз кивнув на прощание, волшебник отошел от реки, а дама в зеленом плаще и гофрированном воротнике обошла свое дерево против часовой стрелки, слившись с ветвями и редкими осенними листьями, с лопастями ветряной мельницы, с дождем, небом, со всем пейзажем в целом. И после будто растворилась в сыром воздухе.

По пути домой мысли мистера Паркера обратились к разговору, который он вел с мисс Уиллоу, и к тем словам, которые так его взволновали.

«У кого-то может быть больше одного друга, не так ли?»

Смысл этой короткой фразы... ну и сама эта фраза... она заставила Чарльза Паркера почувствовать мягкое, нежное тепло, разливающееся по его груди. Тепло, совершенно не связанное с волнением быть застигнутым на чужой земле. Конечно, нет! Сама мысль о том, что он и мисс Уиллоу могут быть друзьями... что такое неуловимое и интересное создание, как ивовая госпожа, которую, как и весь ее народ, учили сторониться людей, видит в мистере Паркере *ДРУГА*, была для волшебника очень волнующей. И что они вместе понимали сказочную магию, и что мисс Уиллоу провела его в царство фей... Без сомнения, Чарльзу Паркеру было очень приятно размышлять обо всем этом.

Однако этому счастью не суждено было продлиться долго, ведь на следующий день выяснилось, что в «Общество антикваров и исследователей древностей Болотного края» вдруг поступила внеплановая запись на консультацию. Беллармин (чьи синяки стали уже поменьше, но теперь обрели насыщенно-фиолетовый оттенок), тактично кашлянув, сообщил особо церемонным тоном, что некий посетитель ожидает, когда хозяин его примет. И вид у помощника при этом был крайне озадаченный.

Ситуация была и впрямь необычная, ведь, как правило, никаких посетителей в контору почти никогда не заходило. Это было так редко, чтобы у Паркера в кабинете были клиенты. Может быть, владелец магазина внизу хотел чего-то? Например, оплаты за обеды, которые Беллармин регулярно покупал им обоим там... Волшебник пребывал в приподнятом, если не сказать игривом расположении духа после своей недавней прогулки к реке, и поэтому, казалось, не придавал значения странным интонациям секретаря.

— И кто это там пришел по нашу с тобой душу, Беллармин? — насмешливым шепотом поинтересовался Паркер.

Беллармин прочистил горло перед тем, как ответить:

— Это лорд Эксмур, сэр.

Мистер Паркер поднял глаза, не веря в услышанное. Оказывается, пока он пытался вспомнить, есть ли у него неоплаченный долг в магазине внизу, за порогом его кабинета ожидал совсем другой джентльмен!

— Боже, — все так же шепотом произнес волшебник, закрывая книги, разложенные перед ним на столе. — Тогда пригласи его ко мне, Беллармин, да побыстрее. И сделай его светлости кофе, но только самый лучший! А я попробую разобраться, чего он тут забыл.

Когда спустя несколько мгновений секретарь проводил в кабинет титулованного гостя, мистер Паркер моментально встал из-за стола и постарался казаться настолько обходительным, насколько был способен:

— Добрый день, ваша светлость, о, право, как неожиданно... Чем я могу быть вам полезен? Прошу вас, присаживайтесь... — волшебник внимательно следил, чтобы Беллармин придвинул стул за графом как подобает, после чего кивком освободил помощника: — Спасибо, Беллармин.

— Спасибо, Кристофер, — прошамкал старый граф секретарю, и мистер Паркер подозрительно нахмурился.

С каких это пор Беллармин стал для местной знати «Кристофером»? Беллармин видимо, точно берет на себя слишком много, как и предупреждал Рич.

Однако пока что надо было понять, что местной знати вообще понадобилось в «Обществе антикваров».

Все стулья были придвинуты к столу, все приветственные речи сказаны. Лорд Эксмур сидел напротив волшебника в кабинете во всей красе: в старомодном напудренном седом парике с тупеем¹⁵ и буклями, в бархатном бордовом камзоле с золотой вышивкой и с абсолютно отрешенным взглядом — ни для кого не было секретом, что старый граф давным-давно лишился рассудка из-за смерти невесты. Лорд Эксмур словно являл собой какую-то гротескную (и очень богатую) пародию на самого Паркера: еще один скорбящий вдовец, безгранично преданный своей усопшей возлюбленной.

Но, помимо богатства, граф мог себе позволить выражать свою любовь к покойной Эмме-лин (поговаривали, она умерла от чахотки еще в 1780-х) самыми необычными, если не сказать,

¹⁵ Популярная в XVIII веке прическа с высоко взбитым надо лбом валиком и зачесанными назад волосами. Пожилые люди носили тупей до начала XIX века, а лорд Эксмур, как мы видим, и вовсе до конца первой четверти XIX века.

эксцентричными способами. Так, он собственными руками нацарапал на пуговицах камзола ее инициалы (жители Н... узнали эту новость пару лет назад от бывшего камердинера графа, уставшего терпеть выходки с одеждой). Еще лорд Эксмур перевязывал волосы (точнее, волосы парика — своих у него уже давно не осталось) лентой, которая, как он утверждал, когда-то подвязывала чулки его невесты... Люди краснели, отводили глаза, но ничего не могли сказать, когда их землевладелец разглагольствовал о подобных вещах. Созданный им «культ Эммелин» пронизывал все имение графа — в ее честь он назвал аллею в парке и заказал мозаику наподобие античной с ее портретом в бальной зале, и даже верил, что душа его нареченной перевоплотилась в цветы в его саду и в пчел с его пасеки...

Все это было крайне занимательно (но чаще, увы, неуместно), однако несмотря на подобную репутацию и отрешенное выражение лица, речи графа звучали исключительно разумно, когда он начал свой разговор в кабинете волшебника:

— Как мне доложили, вы недавно проникли на мой участок, мистер Паркер, без надлежащего на то разрешения. Я уже слышал о вас от Грина, моего дворецкого, затем от Хэрроуби, что присматривает за мельницей, и от Джорджа, второго лакея... Мне напомнить вам, что означает право частной собственности?

Граф говорил без ожидаемого от знати акцента, а по-здешнему растягивая слова. Однако даже несмотря на такие уступки в форме, содержание слов оказалось поистине ужасным, и волшебник сразу же почувствовал, как кровь отхлынула от его лица.

— Простите, ваша светлость, мне... — он опустил голову. — Мне ужасно жаль. Я постараюсь объяснить все как есть. Видите ли, так вышло, что, гуляя вдоль реки, я потерял одну важную вещь, присланную мне из Франции, которую отнесло ветром на ваш участок. Это было письмо, милорд, а точнее, несколько писем. Но заверяю вас, я не заходил дальше дерева на берегу. Я могу вам в этом поклясться, ваша светлость. Я не доходил до мельницы или других ваших построек. Меня интересовало только дерево.

Полуслепые и мутные, словно затянутые дымкой, глаза графа раскрылись шире от удивления:

— О! Только дерево, говорите? И почему же именно оно, мистер Паркер? Чем дерево, позвольте спросить, привлекло вас настолько, что вы решили прийти туда *во второй раз*? Я ведь знаю, что мы с вами похожи в нашем одиночестве, сэр. Но все же я бы предпочел обсудить это с глазу на глаз, а не бродить тайком по чужой земле.

Так, а вот это уже было совсем плохо.

Мистер Паркер судорожно соображал, какой ответ он может дать графу, чтобы это прозвучало более-менее правдоподобно. Если бы слуги лорда Эксмора застали его у реки единожды, можно было сослаться на те письма. Но тот факт, что его видели ДВАЖДЫ, в корне менял дело.

И эти слова... Плечи мистера Паркера окончательно поникли, а его самого охватило запоздалое раскаяние. В течение нескольких секунд, пока он прокручивал все возможные оправдания, его руки похолодели, а во рту пересохло.

О, мистер Паркер! Разве это была не странная реакция? Разве волшебник не пошел второй раз к иве у реки добровольно и прекрасно зная, что это место ему не принадлежит?

Ах, видите ли, не только испуг от того, что граф все знает, тревожил сейчас мистера Паркера. Его уязвило и другое замечание графа: *«мы с вами похожи в нашем одиночестве»*. Его светлость, сам потерявший возлюбленную, на собственном опыте знал, как тяжело переживал мистер Паркер свое вдовство, и хотел указать именно на это. Граф даже понятия не имел, что Паркер бесстыдно залез на его участок ради свидания с другой женщиной!

Господь всемогущий! Если бы это стало известно, то каким омерзительным показался бы мистер Паркер лендлорду? И, что еще хуже, насколько омерзительным сейчас казался мистер Паркер самому себе? Со смерти Элеанор прошло всего-ничего, каких-то восемнадцать лет, а он уже таскает цветы другим — вот каким слабым человеком он оказался!..

— Мне и впрямь ужасно стыдно, ваша светлость, — наконец, признался волшебник, по-прежнему не поднимая головы и глядя вниз. — Я поступил неправильно, как морально, так и профессионально. Все, что я могу сказать в свое оправдание, это «мне очень жаль», однако я понимаю, что никакие извинения здесь не помогут.

Однако внезапно граф примирительно поднял руки:

— Полно вам так виниться, мистер Паркер! Я и сам люблю это дерево. Когда меня одолевает тоска по Эммелин, я часто прихожу туда. Кажется, будто оно способно забрать мои печали хотя бы ненадолго.

— Ну... ива известна этими свойствами, ваша светлость, — впервые мистер Паркер почувствовал себя в родной стихии после неприятного начала беседы. В нем загорелась робкая искорка интереса, когда он начал объяснять: — Видите ли, эти деревья покровительствуют тем, кто потерял свою любовь. Как правило, кто потерял ее из-за смерти возлюбленного или возлюбленной. Ивы словно оплакивают их вместе с нами...

Старик, казалось, оживился еще больше:

— Ну вот и снова мы вернулись к самому началу! Нам ли с вами не знать о таких вещах, мистер Паркер? Не нам ли с вами?

Волшебник, однако, все еще не осмеливался поднять глаза и встретиться взглядом с графом в бордовом камзоле с изрезанными пуговицами, чувствуя, что тот явно знает больше, чем говорит. Тем временем лорд Эксмур продолжил:

— Я понимаю вас куда лучше, чем может показаться, мистер Паркер. Поэтому вы должны знать, что я не осуждаю вас за то, что вы искали на моей земле. То самое «из Франции». Я ведь прекрасно знаю, что вы там искали.

Услышав это, мистер Паркер, казалось, потерял способность пользоваться языком. Он открыл рот, запнулся, а затем сглотнул, прежде чем сказать хоть что-то. *Он знает про письма Рича? Но как? КАК — ?!*

— В-ваша светлость, я не п-понимаю, о чем вы, я в-вас уверяю, это... — заикаясь, начал волшебник, но лорд Эксмур его остановил:

— Эй, полегче, полегче, мистер Паркер! Я ведь уже сказал, что понимаю вас как никто другой. Я давно слышан и о вашем вдовьем положении, и о том, что ваш отец отказал вам в наследстве, поселив у себя перед смертью какого-то колдующего корнуоллца, кажется, его зовут Сорсби... — лорд поморщился, произнося незнакомую фамилию. — Сюда новости вообще-то тоже доходят, мистер Паркер. Поэтому повторяю, что вы, возможно, и впрямь удивитесь, насколько много у нас общего. И поэтому я, чтобы показать, что не желаю с вами враждовать, принес вам тоже кое-что из *Франции*. Возможно, что-то вроде этого вы и искали под старой ивой, разве нет?

С этими словами граф вытащил из кожаной сумки, которую предусмотрительно поставил до этого рядом с собой на пол, что-то темное, и затем костлявыми пятнистыми руками протянул через стол Паркеру. Тот поначалу принял подарок за темную бутылочку-белларминку, и подумал, что старый лорд раскопал ее где-то у себя в саду и решил таким образом внести свой вклад в сохранение народных артефактов. Однако это без сомнений была современная бутылка — отличного качества и наполненная первоклассным бренди.

Ох, чтоб меня, внезапно все понял мистер Паркер. *Вот оно что!*

В Болотах и в целом на восточном побережье, как уже говорилось, было раздолье для промысла контрабандистов всех мастей. Целые вереницы пони регулярно возили по ночам бочонки с бренди, а еще чай, мыло, французские кружева...

Было очевидно, что лорд Эксмур понятия не имел ни о письмах Рича, ни о мисс Уиллоу. Он просто принял Паркера за очередного контрабандиста, которых сам граф, без сомнения, покрывал — в Болотах это было абсолютно рядовым явлением.

— Странное дело, — наконец ответил волшебник, все еще шокированный подобным поворотом. — Ваша светлость, разве мое согласие на такой подарок не позволит вам доложить обо мне магистратам?

Когда он закончил это предложение, его лицо вскоре снова побледнело. В разговоре затянулась пауза, и мистер Паркер испугался, что уже сам, возможно, только что подкинул идею про магистратов лорду Эксмур и теперь попадет под серьезные подозрения со стороны властей.

Но к счастью, он ошибся, потому что граф, тяжело вздохнув, наклонился вперед и сказал:

— Мистер Паркер, я вижу, что вам не по себе от нашего разговора, и этого вполне можно было ожидать. Но уразумейте вот что. Мой скромный подарок преследует две цели. Во-первых, показать, что мы с вами не враги друг другу. А во-вторых, дать вам понять, что наживать врага в моем лице крайне недальновидно и глупо. Вы прекрасно знаете, что у дерева рядом с моей мельницей находится тайник. Вольные торговцы оставляют там свои товары, и тропинки там слишком хорошо протоптаны, чтобы вы, мистер Паркер, пытались и дальше лгать, зачем вы рыскали там. Я еще раз напому вам о праве частной собственности и закрою глаза, если вы займетесь своими делами где-нибудь в другом месте. Но *то* место более не принадлежит ни вам, ни вашим посредникам. Иначе мистер Харви и его ребята объяснят это вам и вашим людям *во второй раз*.

Чарльз Паркер, не поняв и половины из того, на что ему намекал граф, почувствовал, как у него все закипает внутри из-за подобных гнусных инсинуаций в его адрес. Однако все равно постарался не подавать виду, насколько сильно он был взбешен.

— Значит ли это, милорд, что вы подразумеваете...

— Я ничего не подразумеваю, я говорю абсолютно прямо, сэр, — держитесь подальше от моей земли и от дерева у реки!

Итак, граф четко дал понять, что ему известно и что именно он думает о Паркере (и действительно, доводы его светлости казались поразительно логичными — он вовсе не рассуждал как выживший из ума старик!). А затем, после обмена вежливыми любезностями на прощание, лорд Эксмур ушел. Беллармин проводил его. «*Ты очень добр, Кристофер!*» — то и дело бубнил старый лорд, пока секретарь под руку вел его по лестнице на улицу, где уже заждавшийся слуга помог своему иссохшему и морщинистому господину в парике забраться в самую роскошную на площади карету.

Мистер Паркер же с каменным лицом оставался за столом. Из всех возможных сценариев и всего, что могло быть сказано в его адрес, волшебник никогда не рассматривал ТАКОЕ обвинение... Но, похоже, переубедить графа было уже невозможно. А о том, чтобы рассказать ему правду (*про фей? Ты правда сказал бы ему, что путешествовал в царство фей у его забора? И кого бы тогда сочли сумасшедшим?*), не могло быть и речи.

Убрав бутылку бренди, которая словно с молчаливым укором высилась на столе, в потайное отделение своего стола, волшебник окликнул Беллармина и сообщил, что сегодня они закроются пораньше. Пора было взглянуть правде в глаза — «консультации» любого рода или встречи с посетителями явно не были сильной стороной мистера Паркера. Ведь после каждого визита он приходил в себя гораздо дольше, чем предлагали обычные выходные. А что уж было говорить о *таких* неожиданных визитах?..

Вечерний путь домой тоже был полон грусти. Когда мистер Паркер шел по опустевшим торговым рядам на Хай-стрит, он пребывал в очень взволнованном состоянии и не мог не размышлять о своем разговоре с лордом Эксмуром. Его память стремилась снова и снова проиг-

рывать в воображении последнюю сцену, и каждый раз граф становился все более сердитым, а мистер Паркер — все более глупым, пока волшебник не смог больше выносить эти мысли.

Однако волнение не могло длиться слишком долго, и с течением времени мистер Паркер погрузился в смиренную печаль.

Неудивительно, подумал он про себя, что его светлость решил, что я контрабандист. Ведь кто я такой? Я не крупный бизнесмен, и владею довольно скромным имуществом, даже отец отказал мне в наследстве. Я научно изучаю народную магию, боже! Никто бы и не подумал, что ремесло приносит мне такой доход, чтобы отказаться от заработков путем свободной торговли; более того, я поступил безрассудно, дважды без разрешения зайдя на чужую землю...

В таких тяжелых мыслях он и добрался в пансион, где поужинал, бегло просматривая за столом листовку нового выпуска *Fens Garland* (в Норфолке собран рекордный урожай зерна... неизвестные сожгли пивную в Эссексе — видимо, снова происки Харви и его шайки... зима обещает быть дождливой, если верить приметам). Свободной рукой волшебник гладил Дымка (простите, *Милорда!*), свернувшегося клубком у него на коленях. Затем он пожелал доброй ночи хозяйке с Джорджианой и удалился в свою комнату. Его настроение пусть и не стало радостным, но теперь хотя бы вечер в привычной обстановке избавил волшебника от гнетущей печали и самобичевания, одолевших его после визита графа в контору.

В своей спальне мистер Паркер тоже не сразу лег в кровать, а вместо этого решил немного почитать книгу. Но то ли роман оказался скучным, то ли волшебник был слишком взбудоражен событиями дня, но читать ему никак не удавалось.

Видите ли, теперь беспокойные мысли волшебника вновь и вновь возвращались уже к ивовой госпоже и их последней встрече. Откинув хотя бы ненадолго угрызения совести и обвинения себя в слабости, мистер Паркер только сейчас, ни разу не остановившись, чтобы отругать себя за это, позволил себе как следует подумать об ивовой госпоже.

Итак, интересная деталь: оказалось, что дневной свет делал черты лица мисс Уиллоу более выразительными. В ее лице чувствовалась загадочность и какая-то неземная томность, которые в сумерках были менее заметны. И еще, несмотря на худобу и очень высокий рост мисс Уиллоу, в ней все-таки было нечто восхитительное. Конечно, ее нельзя было назвать красавицей по меркам светского общества, предпочитавшего миниатюрных женщин с округлыми формами (и Паркер намеренно отказался размышлять, а не счел бы лорд Эксмур ТОЖЕ ивовую госпожу красивой, увидь он ее ненароком под тем же деревом в таком же виде), но ее облик мог быть очень приятным, если смотреть на него под правильным углом (или если дополнить это ее улыбкой).

Разве не было фактом, что несмотря на то, что глаза у ивовой госпожи были более прозрачного голубого оттенка, чем у людей, а ноги были непривычно длинными, тем не менее, сколько благородства и изящества было в ее облике? Когда волшебник смотрел на руки мисс Уиллоу, ее запястья казались такими хрупкими! А в ее взгляде цвета холодной воды были такие мудрость и глубина, которые трудно забыть, однажды увидев.

Да, мисс Уиллоу, возможно, и была долговязой, худой и лишенной сложных дамских причесок и костюмов, но Чарльз Паркер должен был признать, что в ее внешности было нечто привлекательное. (Возможно, она даже становилась еще более привлекательной как раз именно из-за своей долговязости, худобы и необычно коротких волос?... Возможно ли это?)

Только подумай, какие тесные брюки она носит на своих длинных ногах — эта фейская ткань прилегает так плотно, она так необычно гладка, что, если ивовая госпожа задумает выскользнуть из брючин, то она сможет это сделать одним лишь движением!

Внезапно в голове мистера Паркера возникла мысль, которая была настолько далека от мира фей и вообще от чего-то приличного, что волшебнику показалось, будто его лицо покраснело от шейного платка до волос.

Надо ли мне говорить вам, что подумал мистер Паркер? Я думаю, вы можете догадаться, дорогие читатели. Видите ли, волшебник поймал себя на мысли *обо всех* необычных ситуациях, в которых теперь можно было бы наблюдать длинные ноги (как в брюках, так и без них) и светлые волосы мисс Уиллоу, и, в частности, обо всех тех ситуациях, которые фактически уже произошли, когда ивовая госпожа оставалась у своего дерева, ожидая, когда там появится мистер Паркер.

Ой! Какие гибкие конечности и какие длинные пальцы у мисс Уиллоу! Как ее бледные ладони чуть влажны на ощупь, словно туман всегда незримо окружает ее. А каким невыразимым влечением и глубоким чувством всегда наполнен ее взгляд! Посмотри, как она убирает с лица прядь своих золотых волос! Посмотри, насколько нежно ее прикосновение!

В этот момент Паркер прервал свои размышления и обнаружил, что его сердце бешено колотится в груди, а волосы на его руках встали дыбом.

Ведь, если ивовая госпожа была так желанна, как воспринимал ее Чарльз Паркер, то почему ей вообще пришло бы в голову позволить такому человеку, как он, находиться с ней наедине? Это же было просто безумием!

Разве у волшебника не было возможности, если бы он того пожелал, отбросить всякую учтивость и совершить ужасные поступки наедине с мисс Уиллоу?

Боже мой! Но все было хорошо. Мистер Паркер закрыл глаза и сделал долгий, медленный вдох. Все было хорошо, потому что лорд Эксмур жил неподалеку: граф и его слуги внимательно следили за территорией, в чем сам Паркер сегодня уже убедился. Если бы там, у реки, случилось что-нибудь ужасное, если бы волшебник повел себя не по-джентльменски по отношению к ивовой госпоже и попытался бы навязать ей свою похоть, то лорд Эксмур все заметил бы и пришел на помощь мисс Уиллоу. Мисс Уиллоу никак не могла пострадать от зла, пока находилась на земле лорда Эксмур.

Успокоившись на этой мысли, мистер Паркер вернулся к своей книге; хотя его пальцы уже не могли держать ее так крепко, как следовало бы.

Глава 4

Спустя еще неделю (в течение которой мысли мистера Паркера об ивовой госпоже не стали спокойнее, однако теперь он намеренно воздерживался от прогулок близ графских угодий, и ноябрьская погода этому воздержанию только способствовала) настало время нового исследования локальных обрядов. На этот раз выездного.

Беллармин, чье лицо уже полностью восстановилось после того любительского бокса, как-то утром спустившись за новым выпуском *Fens Garland*, вернулся еще и с письмом — но на этот раз, к счастью, не от Рича (тот, видимо, решил на какое-то время сжалиться и оставить Паркера в покое, ибо писем из Франции волшебник более не получал). Новое письмо пришло из Кембриджа, от мистера Хаттона — ученого антиквара из университетского «Комитета по восстановлению утраченных традиций». И, судя по оплате, высланной на счет мистера Паркера, у кембриджских ученых в «Комитете» дела шли куда лучше, нежели чем в «Обществе антикваров» провинциального Н...

— Он прислал деньги! — Беллармин радостно помахал раскрытым письмом, прежде чем небрежно бросить его на стол хозяина. — Видите, сэр? Мистер Хаттон уже перечислил нам задаток за подробное описание церемонии посвящения во всадники. Ну а я ведь еще в прошлом месяце перемолвился парой слов с главным всадником в Хингеме. Он сказал, сэр, что, дескать, *для младшего мистера Зимы двери всегда открыты* и обещал позвать нас, когда его кобыла будет готова разродиться. Так что, сэр, надо постараться выполнить поручение — это поможет покрыть расходы за минувшее полугодие.

Беллармин занимался бухгалтерией конторы и ему знать о таких вещах было лучше, чем хозяину. Поэтому мистер Паркер мог лишь похвалить своего секретаря за расторопность в делах, и вскоре они оба отбыли в Хингем, небольшую деревушку неподалеку от Н...

На этот раз при проведении обряда ни волшебнику, ни его помощнику не было нужды скрываться или подслушивать из укрытия. Нет, эта ситуация в корне отличалась от кладбищенских церемоний костников — теперь обоих антикваров официально пригласили на обряд посвящения. Да, клятвы здесь тоже подразумевали строгую секретность: *о полученных знаниях было запрещено рассказывать «дураку, или сумасшедшему, или пьянице, или кому-либо в нетрезвом виде, или кому-либо, кто будет злоупотреблять или плохо обращаться со своими лошадьми или лошадьми своего хозяина. [...] ни торговцу, кроме кузнеца или коневода. [...] ни кому-либо моложе восемнадцати или старше сорока пяти лет. [...] ни после захода солнца в субботу вечером, ни до восхода солнца в понедельник утром, ни в публичном доме»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.